

Игорь Гергенрёдер

КОМБИНАЦИИ ПРОТИВ ХОДА ИСТОРИИ

1.

Апрельским днём 1918 в Кузнецк вошла вооружённая часть: верховых не менее ста, и раза в три больше людей катило на подводах. На передней – кумачовое знамя, белым по красному надпись: «Отряд Коммунистической Красной гвардии «Гроза»». А пониже: «Командующий Митрофан Пудовочкин».

В голове отряда ехал на бурой лошади богатырь. Фуражка набекрень, буйные белокурые кудри, светлая борода. Казакин перехвачен узким изукрашенным пояском, на нём кобура с пистолетом. За спиной – американская винтовка стволом вниз.

Всадник попридержал лошадь у колбасной Кумоваева, оглядывая витрину цельнолитого стекла. Спрыгнул на мостовую – огромный бородач в высоких кавалерийских сапогах; у него добродушное, приятное лицо, на вид дашь и тридцать пять, и за сорок, светлые глаза глядят с весёлым любопытством.

Перед тем как войти в колбасную, он с улыбкой потрогал начищенные до сияния медные дверные ручки. Распахнул двустворчатые двери – в магазине мелодично прозвенело: за прилавком появился Григорий Архипович Кумоваев, надевающий белый фартук.

– Сделай пробы для меня! – сказал пришелец негромко, но властно.

Кумоваев не понял, а бородач не стал объяснять. Его люди с винтовками за плечом прошли в задние комнаты лавки, принесли стул. Он сел посреди колбасной, разведя далеко колени, по-балетному развернув ступни. Люди сказали Кумоваеву, что он должен подать командиру лучшие колбасы.

– Подать? Но у меня не ресторан... – возразил Григорий Архипович.

– Во, во, сделай лучше ресторана!

И вот уже бородатый, действуя громадными ручищами и ножом, поедает колбасу с подноса.

– Арестованные враги в городе есть? – вдруг спросил он мимолётно, не глядя на Кумоваева.

Тот сказал: – Вы мне? – не дождался ответа и сообщил, что врагов в городе нет. Арестован солдат Гужонков, пьющий горемыка. На фронте его контузило да ещё и повредило в известном отношении, вернулся домой, а жена не захотела с ним жить, ушла. Он и спился. Когда советская власть подписала с Германией мир, стал кричать: «Обос...ли моё страданье! Серуны!» Вот и на днях орал публично: «Моя жена – б... И ваша советская власть – тоже б...» Председатель совдепа Юсин распорядился его арестовать.

Бородатый слушал, ел колбасу, жизнерадостно улыбался. Сказал:

– Сунцов! Ну-ка – ко мне человека.

Парень с помятым лицом, чёрный чуб из-под фуражки, на груди – алый бант, кивнул двоим: – Со мной! – Ушли. А бородач достал из кобуры пистолет, положил на табуретку рядом с собой, щёлкнул пальцами. Нашлась косынка, ею накрыли пистолет.

2.

Тем временем отряд растекался по улицам, люди с красными бантами на груди, с кумачовыми повязками на рукавах входили в дома, располагались на постой.

Среди телег выделялась рессорная пролётка с откинутым верхом. В ней ехал немолодой человек в драповом полупальто с шалевым воротником, в каракулевом «пирожке». Увидев двухэтажный бревенчатый дом доктора Зверьянского, сказал красногвардейцу, что правил парой лошадей:

– Здесь!

На крыльцо вышел доктор. Человек в «пирожке» поднимался с усталым, скучным видом по ступенькам.

– Вы хозяин?

– Зверьянский Александр Романович! – произнёс доктор. – Чем обязан?

– Костарев, – назвался приезжий, – Валерий Геннадьевич.

Тёмные усики, бородка, пенсне без оправы. Крупный, с горбинкой, нос. Лицо пожившего, некогда красивого барина. Доктор смотрел хмурясь, что-то вспоминая.

– Под Инзой было именье помещиков Костаревых... из о-очень небедных...

– Я комиссар красного отряда, – сухо прервал приезжий, – и выполняю поставленную нам задачу. Примем в Кузнецке пополнение, сколько позволит время, поучим молодежь. Затем, очевидно, будем направлены в Оренбургскую губернию против банд Дутова. Вы меня очень обяжете, Александр Романович, если поселите у себя.

И прошёл в дом. Он выбрал комнату на втором этаже, которую доктор называл «бильярдной». Здесь было канапэ, стояли кресла. Комиссар попросил вынести бильярд и вместо него поставить столик. Потом пожаловался на недомогание, попросил доктора осмотреть его.

Разделся. Среднего роста, сухощавый, хорошо сложен; видно, что фигура в молодости была крепкой. Закончив осмотр, доктор произнёс:

– Вы больны – сердце! Лёгкие, печень тоже неважные, но сердце – серьёзнее. Надо устраниваться от всякой деятельности и – в уединённое спокойное место. Отдых! А через год посмотрим.

Комиссар застегнул рубашку, надел жилет.

– Спасибо за рекомендацию, Александр Романович.

Доктор стоял перед ним – кряжистый, здоровый. Бритое тугощёкое лицо, складка под нижней губой, мясистый подбородок, русые волосы зачёсаны назад.

– Не поедете? Худо! Живём-то один раз. Боятесь, без вас новую жизнь не построят? Строителей, политических вождей нынче – как семечек...

– А если я, Валерий Костарев, – единственно необходимый?

Доктор мыкнул, взырился на него. Тот воодушевлённо говорил:

– Ход Истории! Оба слова – с большой буквы. Только я один могу его перенаправить! Для меня это так же очевидно, как то, что этот ореховый столик стоит на четырёх ножках.

– Столик – дубовый, – заметил Зверьянский.

– Вероятно! Вопрос в другом. Вы увидели, что я – душевнобольной? Это в ваших глазах написано! Так зачем же мне, сумасшедшему, лечить сердце? Надо радоваться, что конец близок, надо приветствовать...

– Дружочек! – доктор схватил его за дрожащие руки. – Вы абсолютно здоровы! Выкиньте всё из головы, верьте мне – слово чести!

Костарев вдруг расхохотался.

– Ах, доктор, вы же честный человек! И ради меня – а?.. Попрошу – и ведь поклянётесь, а? Махровый вы добряк. Отъявленно мягкосердечный!.. А теперь, позвольте, прилягу. – Он лёг на канапэ.

Доктор в беспокойстве размышлений вышел из комнаты. В кабинете его ждали жена, сын Юрий – гимназист. Они сообщили, что в доме поселились ещё семь красногвардейцев. Зверьянский кивнул. Нервно запустил пятерню в густые волосы, прошептал:

– А наш постоялец – трагедию, Дантев ад носит в себе...

3.

Контуженого солдата Гужонкова привели в колбасную. Одну ногу он приволакивает, голова, несколько пригнутая к правому плечу, вздрагивает. На нём засаленный зипун с ключьями на локтях. Обут в лапти.

– Колбаской подкормить желаете? – крикнул куражливо. Увидел огромного бородача. Стул, на котором тот сидел, казался детским, шевельнись гигант – рассыплется.

– Какое богатырство! – воскликнул Гужонков. – Моей бы жене такого... – визгливо хохотнул.

Пудовочкин рассмеялся заразительно, как смеются счастливые дети. На табуретке рядом с ним – пистолет, накрытый косынкой. На подносе впереди – нарезанная кусками колбаса.

– На – ешь! – он протянул Гужонкову большой кусок.

Солдат глядел, соображая. Понял: с ним играют. Взял колбасу – тут же уронил на пол. Вскрикнул, привычно ломаясь:

– О-ох! Рученьки не держат!

– А мы повторим, – благодушно сказал Пудовочкин.

И вновь колбасный обрезок на полу. Гужонков причитает плаксиво:

– Беда мне с моим калечеством! Кто уплотит за меня?

– Ешь, – Пудовочкин как ни в чём не бывало протягивает третий кусок.

Солдат поднёс колбасу к носу: видимо, хотел ещё поломаться, но не вытерпел – уж больно соблазнительный дух бьёт в ноздри! Голод сказался. Стал жадно есть. Лавка полна красногвардейцев; молчат, с любопытством смотрят.

– Бери, бери – закусывай, – улыбчиво поощряет Пудовочкин.

Гужонков хватает с подноса куски колбасы, торопливо жуёт, с усилием глотает непрожёванное. Пригнутая к плечу голова вздрагивает, весь он трясётся.

– Советскую власть лаешь? – бесцветно спросил Пудовочкин.

Контуженый с неохотой прервал еду. Буркнул:

– Ругаю.

– За чего?

– За германский мир. За посрамленье России!

Красногвардеец Сунцов хихикнул:

– Артист!

Пудовочкин с удовольствием глядел на калеку.

– А чего тебе Россия? Ей до тебя, чай, и дела нет.

Арестант всмотрелся в него, глаза вдруг налились кровью, он затрясся ещё сильнее, притопнул здоровой ногой.

– Как это – дела нет? Я за неё принял моё страданье и желаю принять и мою долю славы! Победы Россия германца – у неё слава! И я могу всякому сказать, что не бросовый я человек, а я человек от славы России!

– Ты погляди! – восхищённо воскликнул Сунцов. Кругом смеялись.

– А ты нахал, – мягко высказал Пудовочкин калеке. – Так и надо. Мы все нахальные. Ешь досыта!

Красные ржали, но без злобы. Солдат потоптался и опять за колбасу. Вдруг увидел направленный на него пистолет. Десятизарядный «манлихер» в ручище гиганта представлялся дамским оружием.

Гужонков с набитым ртом спросил так, как спрашивают, нет ли чего запить:

– Убьёшь?

– Необязательно. Я нахальных уважаю. Назови кого-любого врага вместо себя, вон хоть бы колбасника, мы ему – аминь, а тебя возьму в мой штаб.

Стоящий арестант подёргивался, а лапища богатыря с пистолетом была недвижна, глаза веселы.

Калека с внимательностью раздумывал:

– В штаб?

– Ага! Ты человек военный. Нахальный. Будешь не бросовой, а от нашей славы человек, от ба-а-льшой славы...

Гужонков подался к сидящему: – Серун! – внезапно кинул руку ему в лицо. Кулак слегка коснулся его носа. Пудовочкин неожиданно – нестерпимо-режуще для слуха – взвизгнул, прыжком взлетел на ноги, отпрыгнул назад, крича: – А-ааа! – стреляя в Гужонкова.

4.

Его бросило навзничь, пули опять и опять пронзали бьющееся тело. Бородатый, пятясь, разряжал в него «манлихер», крикнул так, что крик показался не слабее выстрелов:

– Он меня докоснулся!

На цыпочках обходил лежащего. Огромная фигура двигалась с поразительной лёгкостью. То, что громадина с какой-то трепетной грацией переступает на носках, пригибается – словно крадётс я играючи – выглядело бы смешным, если б не подплывающий кровью человек на полу. Косясь на него, бородач боком вышел из колбасной, озираясь, двинулся по улице. Взгляд задержался на высоком прохожем.

Се́мидесятилетний Яков Николаевич Братенков с вислыми седыми усами стоял на тротуаре и взирал на Пудовочкина. Яков Николаевич много лет пробыл околоточным надзирателем. Он слышал выстрелы в колбасной, а теперь видел перед собой неизвестного с пистолетом, окружающих с винтовками, с алыми бантами на груди. Понимал, что это – Революция-с! Новая власть. Но не сдержался.

– Па-а-прошу объяснить...

– Фараон? – Пудовочкин схватил старика за ус.

Впалые щёки Якова Николаевича побелели.

– Давно не служу-с! – проговорил, дрожа от бессильной ярости, обеими руками вцепился в лапищу силача.

Тот глянул на Сунцова и был понят. Старика схватили, повернули спиной к командиру, пригнули. Он выстрелил Братенкову в затылок, подпрыгнув, наподдал ногой вздрогнувшее тело. Оно пролетело шага три, крутнувшись через размозжённую голову.

– Сальто мортале! – вскричал Сунцов.

Красногвардейцы гоготали. Среди них шныряли мальчишки. Люди опасливо выглядывали из окон.

Пудовочкин размашисто шагал по Промысловой, за ним вели лошадь. На Ивановской площади увидел ресторан «Поречье», указал пальцем на его окна.

– Если сию минуту кто там пьёт – в распыл! Хозяина – на беседу!

Вскочил на лошадь, велел узнать, где совдеп.

В ресторане обедали два хорошо одетых господина. Хозяин шорной мастерской Адамишин и председатель кооператива кожевников Ламзутов обмывали какую-то сделку. Продажа водки с начала германской войны была запрещена, но перед ними стоял графинчик «самодельненькой».

Люди с кумачовыми повязками на рукавах подошли к столику. Сунцов схватил графинчик за горлышко, поднёс к ноздрям, со значительным видом понюхал, кашлянул. Запрокинув голову, влил в разинутый рот немалую порцию.

– Не из болотца, не из колодца! На месте взяты, артисты!

Ламзутов привстал со стула:

– А вы кем уполномочены, товарищ?

– Мы при цирке, а вы – артисты, – с рвущимся из него восторгом ответил Сунцов. – Айдати на выход!

– Присядьте с нами, товарищ, – пригласил Адамишин, – договоримся как мужчины.

Сунцов, играя глазами, потерябил свисающий из-под фуражки чуб, присунул помятую физиономию к Адамишину:

– Деньги и что ещё при себе – покажь!

Тот вынул бумажник. Через миг два приятеля лишились бумажников, карманных часов, обручальных колец и носовых платков.

– А теперь – ножками! – скомандовал Сунцов с выражением счастья от собственного остроумия. – Арена ждёт!

– И пойду! – рассердился Ламзутов. – Веди к начальнику! Я сам участник

советской власти... сколько я помогал... Я с пятнадцатого года – в отношениях с большевиками...

Переругиваясь, вышли из ресторана, и тут приятелей вдруг подтолкнули к стенке. Красногвардейцы подняли винтовки.

– Да вы что-о-оо? – зрачки у Ламзутова расширились, руки он почему-то отбросил назад. – Кто велел? Ка-ак?

Адамишин кинулся вдоль стены, низко пригнувшись, прикрывая голову руками. Хлестнули выстрелы. Он ударился плечом о стенку, упал ничком. Тело сотрясилось толчками – трое били в него из винтовок почти в упор.

Ламзутов ойкнул, зажал руками глаза, стал поворачиваться спиной к винтовкам – и они загрохали.

На Ивановскую площадь сбегался народ. Сунцов, задорно вздёргивая коленки – рисуясь, – взбежал на крыльцо ресторана, помахал фуражкой.

– Вот эти, – показал на убитых, – нарушали и занимались разложением! Так же и вы – кто про кого знает, прошу мне шептать! Ответно не обидим.

5.

Совдеп находился около городского сада в двухэтажном каменном доме. Раньше здесь помещались земский клуб и казино. Председатель совдепа Михаил Юсин, бывший бухгалтер городской больницы, побывал на германском фронте, имел чин прапорщика. Вернулся в Кузнецк большевиком.

В первые месяцы после Октябрьского переворота власть большевиков в Кузнецке не слишком замечалась. Обложили состоятельных горожан умеренной контрибуцией, за счёт неё открыли бесплатную столовую для неимущих: полста обедов в день. По требованию ВЦИК, реквизировали на сахарном заводе вагон сахару для нужд Москвы. Но со станции вагон не ушёл: проезжавшие с фронта солдаты разграбили сахар дочиста. То же случилось и с подсолнечным маслом. Юсин телеграфировал в Москву о невозможности обеспечивать грузоотправку. Вооружённой силы у него было шесть милиционеров. ЧК в Кузнецке ещё не создали.

Смекнув, что для отряда красногвардейцев с него потребуют продовольствие, фураж, Юсин стал сетовать Пудовочкину на трудности:

– Отовсюду сопротивление, товарищ, а чем я располагаю? От меня многого не жди.

– Я тебя спасу, Миша, – заверил Пудовочкин так, словно Юсин был его другом детства. – Мой отряд собран из бедноты деревень. Идём под пули казачьих дивизий и знаем, что возврата нам нет! Значит, я и трачу каждый мимоходный час на спасенье революции. Нас не станет, а у тебя, у местного народа память про наше доброе будет жить.

В кабинет вбежал член совдепа Лосицкий, шепнул Юсину, что публично убиты Ламзутов и Адамишин. Побледнев, Юсин объяснял Пудовочкину, что, кроме пользы, совдеп от Ламзутова ничего не видел.

– Тем более, товарищ, – как бы приветствуя сказанное председателем и сочувственно продолжая его мысль, заявил Пудовочкин, – мы должны перекрыть эту недостачу. Подведём под аминь более широкий масштаб! -

Потребовал дать ему список всех богатых и зажиточных кузнецан.

– Эх, снимаете вы мне голову... – тяжело вздохнул Юсин. – Кто отвечать будет?

Глаза бородатого просияли весельем.

– Не смейся, Миша. Ты – мной спасенный! Раскрой ширинку и в тряпочку... э-э, помалкивай!

6.

Перед воротами купца Ваксова волновалась толпа. Из дома донёлся выстрел, теперь долетали женские крики. Дюжина красногвардейцев с винтовками в руках топталась у приоткрытых ворот. Здесь же стояла бурая лошадь Пудовочкина.

Он вышел на крыльцо; фуражка набекрень на белокурых кудрях. Застегнул казакин на крючки, подтянул пояс, поправил винтовку за спиной. Балетной побужкой пронёсся к воротам. Сидя в седле, помахал толпе рукой, дурашливо крикнул:

– Поздравляю с громом «Грозы»! – простецки рассмеялся. – «Гроза» – мой отряд! – И ускакал.

Красногвардейцы пошли в дом купца грабить. А люди узнали, что Пудовочкин изнасиловал дочку Ваксова, гимназистку пятнадцати лет, а защищавшего её отца застрелил.

По городу начались реквизиции. Красные входили в дома, разбивали сундуки, забирали всё, что понравится. У купеческой вдовы Балычевой обнаружили полный сундук шёлковых головных платков. Расхватали их, стали повязывать шею. Сунцов ходил с алым бантом на жёлтом полушубке, с самодельной красной звездой на фуражке и с ярко-зелёным платком на шее. В доме девятидесятилетнего парализованного генерала Ледынцева увидал турецкое шомпольное ружьё времен покорения Кавказа и расстрелял генеральского зятя – за хранение оружия. Зять сам был старик – горный инженер на покое.

7.

Доктор Зверьянский громко постучал в дверь «бильярдной», услышал: «Войдите». Костарев, одетый, но накрывшийся пледом, приподнялся на канапэ. Он спал – его разбудил стук.

– Уважаемый госпо... пardon! Гр-гражданин комиссар! Вы знаете, что творят в-ваши? – от голоса доктора зазвенели бокалы в шкафчике.

Костарев надел пенсне, спустил с канапэ ноги, всунул их в домашние туфли.

– Расстреливают? Мародёрствуют? – обронил рассеянно.

Доктор судорожно сглотнул и почему-то зашёл к сидящему сбоку, наклоняясь и разглядывая его в профиль.

– Знаете... и – спите?

– И неплохо, между прочим, поспал.

Несколько секунд длилась тишина.

– У-уу! – доктор вдруг взревел, отшатнувшись, выбросив вперёд руки – будто отталкиваясь от сидящего. – Ка-а-кой цинизм!

Он силился говорить, но горло перехватил спазм, доктор лишь беспорядочно двигал руками, сжимал и разжимал мощные кулаки. Полное лицо багрово, губы дёргаются. Он выбежал и быстро вернулся; карман сюртука был оттопырен.

– Цини-и-изм... – выдохнул Зверьянский и запустил пятерню в зачёсанные назад волосы.

Костарев сидел сгорбившись; уперев локти в колени, поддерживая голову ладонями, смотрел в пол, словно занятый чем-то своим, не имеющим отношения к доктору.

Тот столь взбудоражен, что речь даётся ему с немалым трудом:

– Потерявшие облик человеческий... мерзавцы... льют невинную кровь... а цинизм их начальника неопровержимо доказывает, что они з-звер-рствуют с его ведома и... поощряемы им... Прошу возражать! – смятенно прервал он себя.

Комиссар не шелохнулся.

– Ах, неудобно? В таком случае... в отмщение за безвинные жертвы... я казню!..
– Зверьянский выхватил из кармана револьвер.

Сидящий взглянул сквозь пенсне.

– Вы – трус!

– Ка-ак? – Сбитый с толку доктор прицеливался ему в грудь так тщательно, будто ответ мог принести только очень меткий выстрел.

– Трус!

– Я-а?.. – Доктор помахал револьвером, точно собираясь не стрелять, а ударить, при этом у него был вид, словно ударить – гораздо страшнее.

– Вы, Александр Романович.

– Но позвольте... за вашу смерть меня убьют, мою семью истребят...

– Правильно! Вы этим кокетничаете, вы себе интересны. Извольте не перебивать! Вы же знаете, кто действительно командует убийцами, вам наверняка сказали...

– Чудовище саженого роста, Голиаф...

– Вот видите! – Костарев прислонился к спинке канапэ, вытянул ноги. – Но вместо того чтобы проникнуть к виновнику и пустить пулю в него, вы выбираете самое лёгкое. Кидаетесь на того, кто сам отдался в ваши руки.

Доктор в пристальном внимании промолчал, сунул револьвер в карман.

– И тем не менее... – проговорил взвинченно, – вы тоже виновник проливаемой крови!

– Это мы исправим! – Костарев встал. – Александр Романович, будьте добры... там внизу мой ординарец Голев. Передайте ему, что я велю запрягать.

Когда пролётка с комиссаром отъехала от дома, доктор вбежал в комнату к жене, сыну и двум дочерям.

– О! Этот человек сейчас примет свои меры... Он знает, как поступить со сволочью! Самым сур-ровейшим образом!

8.

Комиссар возвратился через два часа, поднялся к себе наверх. Зверьянский,

вытерпев пять минут, постучался к нему.

– Валерий Геннадьевич, я извиняюсь... положен конец? Как вы наказали?

Костарев полулежал на канапэ.

– Я ездил за город. Мы ехали просёлком, пока не попали на водяную мельницу. Повернули в лес. Потом – назад. Дороги, доложу я вам, не для прогулок.

– Прогу...? – доктор, казалось, ощутил, что из его горла выходит яйцо. Растерянность, оцепенение, ужас; рот не может закрыться. Он вглядывался в говорившего, наклоняясь к нему. Присел на корточки, сдавил руками виски.

– Ничего более чудовищного... я отродясь... ни в каком кошмарном сне...

– Я, кажется, уведомил вас, – неожиданно зло произнёс Костарев, – что я – сумасшедший? Не перебивать! У меня, как вам должно быть известно, тоже имеется револьвер. Сейчас я на ваших глазах выстрелю себе в рот! Не верите?

Он вскочил, ринулся к креслу, рванул из-под него саквояж.

– Остановитесь! – прохрипел доктор. – Вы с ума сош... пардон...

Тот раскрыл саквояж – Зверьянский устремился к нему. Комиссар повелительно поднял руку:

– Прочь!

– Придите в себя, Валерий Геннадьевич... – умоляюще прошептал Зверьянский.

Костарев значительно глядел на него сквозь пенсне. Затем вынул из саквояжа бутылку, взял из шкафчика бокал, налил.

– Вам нельзя пить ни капли, – пробормотал доктор.

– Вы находите? – его собеседник усмехнулся. – Даже если через три минуты меня не будет? – Он выпил.

– Это дом умалиш... пардон, это какой-то публичный дом! – вырвалось у Зверьянского, вид у него был потерянный и взвихренный, но вдруг глаза заглодели гордой решимостью: – Идиотство... Наплевать! Я знаю, что делать. – Он пошёл к двери.

– Вернитесь! – приказал Костарев, беря стул и садясь за столик. – Спешите пальнуть в Пудовочкина? Наивно! Он осторожный, опытный зверь, добраться до него трудненько. В случае же неудачи он убьёт не только вас и вашу семью. Прикончит сто невинных. Я его знаю.

– Сто человек? – на багровом лице блестел пот, доктор изнемог от потрясений.

– Возьмите себе стакан и садитесь! – не терпящим возражения тоном сказал Костарев. – Это разбавленный спирт.

9.

Доктор стоял вполоборота к собеседнику, заложив руки за спину.

– Я хочу вам объяснить вероятные комбинации, – произнёс тот мягче, – присядьте, пожалуйста, Александр Романович.

Зверьянский сел за столик. Сухощавый человек в пенсне стал говорить... Между тем уже была ночь. Хозяин зажёл свечу в подсвечнике. Тихий уверенно-барский голос не умолкал. Доктор, волнуясь, терпеливо слушал.

Красные отряды, говорил человек с тёмной негустой бородкой, создаются повсеместно, и все они творят то, что сегодня было в Кузнецке. Их действия поощряет большевицкая верхушка. Почему? Потому что большевицкие вожди владеют историческим диагнозом. В России создалось критическое напряжение кровяных жил, нервов, и коммунистический ЦК вызывает у страны припадок падучей с обильным кровотечением. Перебесятся, ослабнут, утихнут. А там ещё разок – судорогу пострашнее. И так далее.

– Спасибо, утешили! – не сдержался мрачно-распалённый Зверьянский.

– Видите, к вам вернулась способность иронизировать, – с несколько театральным сарказмом заметил Костарев и тут же озлился на себя: – Я не кривляюсь, Александр Романович! Неужто вы хотели бы слышать ложь утешения?

– Вы считаете правдой то, что говорите, и при этом можете так... жестоко, рассудочно...

– Давайте выпьем, доктор.

Они отхлебнули из бокалов.

– Вопрос в том, – сказал Костарев подчёркнуто-озабоченно, – как вырвать больного из рук красных и исцелить его!

– Пардон, а вы сами разве не красный?

– Я – чёрный.

– Час от часу не легче...

– Сейчас я дам угодную вам мысль, – Костарев сузил глаза за стёклами пенсне.

Предложил вообразить его, Валерия Геннадьевича, библейским Самсоном, которого к тому же не берут пули. В одну ночь, рассуждал он, я перебью весь отряд Пудовочкина. А через два-три дня здесь появится другой такой же. И его перебить? А взглянем на Инзу, Сердобск, Хвалынский, на сотни и сотни городов России. В каждом займём по Самсону? Мы придём к тому, что нужно истребить, пожалуй что, четверть мужского населения страны, способного носить оружие. А если мерзавцев окажется ещё больше? И почему, откуда они берутся в таком количестве?

Можно отвлечься и разобраться в этом, но сейчас скажем округлённо: так угодно Ходу Истории.

– Я поднялся настолько, чтобы играть против него, – вдруг бесстрастно уведомил Костарев. – И потому я – Сумасшедший. С большой буквы. И когда вы излили мне об убийствах, я поехал на прогулку. Настолько я поднялся. Иначе нельзя играть. Вы поняли смысл?

10.

Глубокая ночь. Доктор вставил в подсвечник очередную свечу. Бутылка на столике почти пуста.

– Отряд «Гроза», – рассказывает Костарев, – формировался в Рузаевке, в Саранске. Я там был. Это родные места Пудовочкина. Я получил о нём все нужные сведения...

Пудовочкин Митрофан Савватеевич происходит из семьи крестьян-старообрядцев. Отец был крепким середняком. В сорок лет, представьте, вдруг принялся разбойничать, убивать; умер на каторге. Митрофану в это время было семнадцать. Вскоре он примкнул к шайке грабителей. Два его брата, три сестры, мать остались очень религиозными трудолюбивыми крестьянами.

Двадцати пяти лет Пудовочкин стал главарём. Предшественника застрелил при дележе добычи. Шайка оперировала в Саранске, в Пензе, в Симбирске, проявляя изощрённую жестокость. Грабили помещичье имение близ села Сенгилей. Большинство бандитов заспорили с главарём из-за добычи. А что он? Предложил отвлечься – убить всех живущих в имении, – а затем вернуться к спору. Несчастных оказалось девять, включая троих детей. Всех поочерёдно уводили на кухню и там убивали топором... То ли бандиты устали от этого, то ли Пу-

довочкин произвёл на них такое впечатление, зверски орудуя топором, но почти все претензии отпали.

Шайка громила, жгла усадьбы, грабила и горожан, не зная удержу. Пудовочкин был изворотлив, но попадался дважды. После первой поимки бежал из тюрьмы, после второй – его выпустила Февральская революция. Летом семнадцатого на воровской малине в Рузаевке он перестрелял шестерых членов своей старой шайки: вероятно, свёл счёты за давний спор. Объявил себя коммунистом, создал «группу идейных экспроприаторов». Они продолжали терроризировать помещиков, но уже – служа идее. После Октябрьского переворота новая власть назначила Пудовочкина начальником красной саранской милиции, а затем поручила сформировать красногвардейский отряд.

– Такова карьера этого экземпляра, – удовлетворённо, точно преподнося нечто весьма полезное, радующее, подытожил рассказчик. Но расстаться на этом с фигурой Пудовочкина оказался не в силах – продолжил с подъёмом: – Он далеко не туп. У попа-старообрядца выучился грамоте, пишет почти без ошибок. Прочитал «Антон Горемыку» Григоровича, возит с собой Писемского – «Старческий грех». Стихи пописывает. Послушайте:

Жарко лето, зелен сад,
Сердце так и ходит.
Фрукты красные висят,
Речка вся в народе.

Костарев в задумчивости хмыкнул:

– Сердце так и ходит... Строка-с!

Зверьянский отозвался угрюмо:

– Обыкновенно сволочь любит буколику.

– Главным образом, сволочь мыслящая, которая обладает талантом быть популярной! – уточнил собеседник. – И так!.. Что в нём ещё, помимо жестокости? Обжорство. И распутство – но без садизма, без «фокусов». С любовницами мил, щедр, они его ценят.

– А надругаться над гимназисткой, убить на её глазах отца – не садизм? – прорычал доктор. – Слушайте, зачем мне нужно что-то ещё знать об этой скверной, бешеной скотине?!

– Затем, что он – проходная фигура в комбинации!

– В какой комбинации?

– Против Хода Истории.

11.

Пудовочкин выбрал для себя дом владельца сахарного завода Ерисанова. Одноэтажное каменное длинное здание фасадом на рынок. За домом – большой двор с каретным сараем, с баней.

От рынка – пять минут ходьбы до ресторана «Поречье». Его хозяину Гусарову было приказано «сервировать закуску с барашком». Если «не удовлетворишь», сказали Гусарову, то тебя ждёт приговор за торговлю самогонкой.

Утром Пудовочкин с тремя подручными направлялся в ресторан; прохожие жалась к заборам, взирали на светлородого кудрявого гиганта, идущего с лёгким наклоном вперёд, невесомо, как кошка. Некоторые сдёргивали шапки.

Он наедался больше часа, остался доволен. Когда возвращался в дом Ерисанова – стегнул выстрел: возле головы просвистела пуля. Он молниеносно оглянулся на звук выстрела: шагах в двухстах, за невысоким забором, отбегал вглубь двора подросток. Охрана бросилась ловить, но тот успел скрыться.

Во дворе, откуда стреляли, стояла лачуга, где обычно ночевали крестьяне победнее, пригонявшие на рынок скот. В это утро здесь никого не было. Не с кого спросить...

По раскатистому хлопку выстрела Пудовочкин определил берданку. Это подтвердила и найденная пуля: она глубоко увязла в саманной стене сарая.

Пудовочкин навестил в совдепе Юсина:

– Кто у тебя есть из большевиков – заядлый охотник?

Юсин позвал наборщика типографии Шемышеева. Пудовочкин спросил: ходил ли тот с кузнечанами на волков? Ходил и много раз. А на медведей? Бывало! Их уже не осталось в уезде. Больше всего, мол, ходим на зайцев.

– И у кого есть берданки?

– Берданки? – Шемышеев перечислил. А теперь, попросил Пудовочкин, назови, у кого из этих берданочников имеются сыновья лет эдак от тринадцати до двадцати? Охотник стал называть фамилии, загибая пальцы: нет, нет, нет...

– Семёнов, пчеловод. Тоже нет сына, одни дочери... Внук есть.

– Сколько лет?

– Примерно пятнадцати – Мишка. В реальном училище учился, бросил. Известный драчун.

Пудовочкин взглянул на Сунцова:

– Этого Мишу мне!

Миша Семёнов увидал в окно пятерых конных, подъезжавших к воротам, – всё понял. Выпрыгнул в окошко на задний двор, там полно кур – подняли переполох. Сунцов услышал, поскакал вокруг дома, увидел, как Миша перемахнул через плетень. Заулюлюкал, хлестнул лошадь. Она взяла барьер. Семёнов убежал огородами к канаве, полной талой воды, Сунцов настиг:

– Стопчу зайца!

Через канаву переброшено бревно. Миша перебежал по нему. Конник не стал соваться в воду – убил Семёнова из винтовки в спину, со второго выстрела.

12.

Утром Костарев уговорил доктора проехаться; правил лошадьми сам, гнал их шибкой игристой рысью. Было тепло, но не солнечно, небо заволакивала сизая ватная пасмурь. Выехали за город; от просыхающих бугров налетал запах перегноя и одевшегося почками мелкокустья. Под ременной упряжью вспотевших лошадей шерсть взялась желтоватым мылом. Валерий Геннадьевич остановил пролётку на просёлочной дороге. Слева – овраг, в нём ещё белеет снег. Справа – пастбище, там только-только зазеленела травка; за пастбищем – лес.

Десятка два коров, гладко лоснясь после линьки, щиплют травку, из леса несутся птичьи голоса. Ближе к просёлку бык с широко расставленными рогами врыл копыта в податливую землю. Так и чувствуется прочность низких ног, что держат длинное туловище с литой покатою спиной; почти до колен свисает шелковистый тяжёлый подгрудок. Костарев, обращаясь к спутнику, размашисто повёл рукой, приглашая:

– Посмотрите, какая гармония в природе! – он сделал сладкий глубокий вдох и, как бы в упоении пейзажем, потрянул головой. Потом, указывая пальцем, спросил с некоторым драматизмом: – Замечаете быка? Косится на нас. Наверняка хотел бы побаловать, но видит – мы не по нему. А бреди здесь старушка? Про-

ходи семилетний мальчик? Каким чудовищем предстал бы этот спокойный бык! Заласкай он жертву рогами до смерти – думаете, его бы зарезали? Он нужен всей деревне.

– Но старушка, мальчик – это же люди! – доктор сделал ударение на последнем слове.

– И однако же права деревня. С этим согласится вся крестьянская Россия! Жертву не оживишь, а бык необходим, чтобы рождались телята, чтобы коровы давали молоко: чтобы поддерживалась жизнь. Таким же образом, и бык Пудовочкин нужен, чтобы жизнь России вернулась к гармонии. Вы возразите, что Пудовочкин наделён сознанием и ответствен за свои поступки. На это я вам скажу: убейте его – но всё равно без быков, имеющих обыкновение беситься, мы не обойдёмся! Когда я слышу, что народный вождь должен быть честен, что им должен быть порядочный интеллигент, на меня нападает неудержимое чиханье. Все, кто поднимутся спасти Россию от красных, не будучи сами чудовищами в достаточной мере, – обречены!

– Но почему? – вскричал Зверьянский.

– Потому что ряд несообразностей повлиял на Ход Истории, и он завёл Россию в кровавое болото. Чем дальше, тем больше и больше крови, неслыханных бедствий, разврата, смертной тоски. Туда ведёт большевицкая идея. Свернуть вправо, влево – тоже кровь, химеры. Но скоро можно будет выбраться на сухое место. И тогда – всё исправлено; гармония – когда душа радуется, а глаз наслаждается красотой! Однако заворотить Россию сможет лишь редкого бешенства бык.

– Откуда в вас столько ужасного, Валерий Геннадьевич? – не вынес доктор. – Такой цинизм? Такая рассудочная кровавость?

– О себе я расскажу в другой раз. А сейчас я хочу, чтобы вы поняли смысл, – с нажимом продолжил Костарев. – Я произнёс слово «несообразности». И вот вам главная!

Испанцы, англичане, французы имели периоды исторического возбуждения, когда они устремлялись за моря, захватывали и осваивали огромные пространства, несоизмеримые с величиной их собственных стран. Грандиозные силы возбуждения избывались.

Русский народ таит в себе подобных сил поболее, чем указанные народы. Русские с кремнёвыми ружьями прошли Аляску, поставили свои форты там, где те-

перь находится Сан-Франциско. Но дальше подстерегала несообразность. За титанами России не потянулся народ, как потянулись испанцы за своими Писарро и Кортесом. Крепостничество, сонное состояние властей, сам косный, замкнутый характер чиновничьей империи не дали развиваться движению. Гигантские силы стали копиться под спудом. С ними копилась и особенная непобедимая ненависть народа к господам, к царящему порядку – ненависть, чувство мести, мука – от того неосознанного факта, что великому народу не дали пойти достойным его величайшим путём.

Между прочим, это смутно чувствует и российская интеллигенция, которая так любит говорить о великом пути России – не понимая, что смотреть надо не вперёд, а назад: в эпоху, когда возможность такого пути упустили правители...

Пётр Столыпин был умницей наипервейшим, он лучше всех понимал всё то, о чём я веду речь. Его хлопоты о переселении крестьян в Сибирь – это попытка исполнить, пусть в крайне малом масштабе, но всё-таки исполнить те задачи, на которые предназначалась титаническая энергия России. Попытка дать выход накопленным силам возбуждения... Но Столыпина не стало. А большевики – для выпуска энергии – указали народу другой в известном смысле тоже грандиозный путь.

13.

Пудовочкин сидел в кресле в гостиной сахарозаводчика, ел из ушата мочёные яблоки. Вошёл Сунцов, доложил, что стрелявший наказан, обрисовал происшедшее.

– А это... – Пудовочкин откусил пол-яблока, – родичи?

– Отпеты! – Сунцов махнул ладонями вниз. Пояснил: все, кто был в доме Семёновых – старик-пчеловод, обе его дочери, зять и работник – расстреляны.

– Надо вот чего, – с сухой деловитостью сказал Пудовочкин, выплёвывая сердцевину, – объяви на публику, что парнишка был не один, а было их двое. Второй – одинаковый с ним по росту. Сыми с парнишки обувку, пинжачок и дуй по домам: всем парням примеряй. Кому будет подходяще, собирай их на рынок. Кто из родных вякнет – аминь на месте!

Скоро в городе стали раздаваться выстрелы. Пудовочкин вскочил на лошадь и возбуждённо гонял её по Песчаной улице на Ивановскую площадь и обратно – на рыночную. Его ярило предстоящее. Бил лошадь плёткой – пускал вскачь, подымал на дыбы. Она храпела, роняла пену, глаза налились кровью.

Но вот Сунцов и группа конных пригнали десятерых подростков. Пудовочкин подскакал к ним, наклоняясь с седла, заглядывал в лица, казалось бы, без тени злобы, смеялся:

– Павлинами надо быть, хвосты кверху, а вы вон чего – печальные!

Сын путевого обходчика Коля Студеникин спросил:

– За что нас?

– А чего ваш бздун в меня целил? – обиженно вскричал Пудовочкин. – А то вы с ним не одних мыслей!

– А если нет? – Коля не отвёл взгляда.

Пудовочкин – сердясь как бы в шутку – бросил:

– Ну, знать, мне ещё извиняться перед тобой! Дурак ты, что ли?

Он указал плёткой на площадку, обнесённую изгородью: там обычно держали пригнанный на рынок скот; сейчас площадка пустовала. Приведённых загнали на неё.

Прибывал народ. Пудовочкин скакал взад-вперёд по площади, беспокойно похохатывал, повторял: «Ну, попали в меня, а?», «А вот я це-е-ленький!» и: «Кому охота ещё попробовать?» Люди молчали.

Он спрыгнул с лошади, неуловимым движением тянул из-за спины винтовку. Огромный, кудрявый, он не пошёл – он стремительно покрался к площадке, слегка клонясь вперёд. Ноги несли богатырское туловище, точно воздушное. Десятизарядный «винчестер» выглядел детским ружьишкой в громадных ручищах.

Легко перемахнул через изгородь, что была по плечо человеку среднего роста. Ребята пятились от него, жались к городьбе. Пудовочкин встал к ним спиной.

Перед площадкой сидел на лошади Сунцов. Поймал взгляд командира. Приподнялся на стремянах, повернулся к толпе:

– Все видят, товарищи и граждане? Вот так всегда будет делаться за разное хорошее, да-а! – кривясь, помахал над собой рукой, словно разгоняя зловоние.
– В пор-рядке рабоче-крестьянского наказания... алле гоп – р-р-раз! – рубнул воздух ладонью. – Алле гоп – два!

Когда крикнул: «Три!» – Пудовочкин подпрыгнул, в прыжке развернулся к подросткам, упирая приклад в сгиб локтя, выстрелил. Колю Студеникина сорвало с ног, швырнуло оземь – будто ударило дубиной.

А ладонь Сунцова опять рубила воздух:

– Алле гоп – раз!

При выкрике «три!» – пленники упали на землю, но Пудовочкин не подпрыгнул. Он хохотал... Подпрыгнул при счёте «шесть». Выстрел убил Власа Новоуспенского, сына протодьякона. После этого прыжок и выстрел вновь последовали при счёте «три». Затем – при выкрике «пять».

Расстреляны десять патронов; трое ребят ещё вздрагивают на земле, крутятся, силятся вскочить. Кровь, стоны. Сунцов, не слезая с седла, стал издали добивать раненых из винтовки. Смертельных попаданий нет, мучения длятся.

В это время пригнали ещё группу: человек пятнадцать. Пудовочкин воздел громадные руки, в правой – «винчестер».

– Даю помиловку! – и брюзгливо добавил: – Спасибо не жду, поскольку люди суть скоты неблагодар-рные!

– Везуха, козлики! – заорал Сунцов, направляя лошадь на кучку ребят. Те бросились бежать.

А Пудовочкин вдруг подошёл к плохо одетой старушке, опустил ручищу на её сгорбленную спину:

– Как увижу – хватит с них, я им со всей душой – живите!

Наклонился, чмокнул старушку в губы, погладил по спине и пошёл по площади, поправляя франтовато надетую фуражку; винтовка болталась за спиной.

14.

Пролётка въехала на взгорок, с него хорошо виден Кузнецк. Блестят золочёные купола церквей, высится элеватор. Среди россыпи домиков выделяются вокзал, двухэтажные здания. Различим мост через речку, что извиристо перерезает город, видны конюшни, огороды, кладбище, темнеющий лесок, правее потянулась насыпь железной дороги, вблизи неё – линия покосившихся телеграфных столбов, которые кажутся издали кое-как воткнутыми палочками.

– Какая во всём этом бесхитрость и мирная невзрачность, – растроганно проговорил Костарев. Затем в голосе зазвучало что-то таинственно-зловещее: – От земли меж тем исходят токи некоего взвинчивающего нетерпенья. Так и тянет хлестать стаканами спирт и ласкать воронёную машинку под названием «револьвер». Разве вы не чувствуете такого, Александр Романович?

«Он серьёзно болен», – подумал доктор, не отвечая.

– А множество простого народа давно уже чувствует это тёмное нетерпеливое напряжение. Поэтому в России столь болезненно-жадно пьют водку. Я нигде за границей не видел, чтобы так горячечно пили. А вам как врачу должно быть известно: спивается или стреляется человек, отлучённый от единственно достойного его дела.

Русский народ был отлучён от свободного заселения просторов. Расширься Россия в своё время до глубин Нового Света, освой Аляску, пол-Канады, Запад Соединенных Штатов – сколько народу переместилось бы туда, сколько интеллигенции! Там, вдали от России старой, сколько было бы произведено революций и прочих социальных опытов, сколько титанической энергии избылось бы в них! И не трясли бы добрую старую матушку Русь лихорадка и истерика умов, не вызрело бы того неосознанного отчаянья обделённых, того бешенства, той алчности к земному, к небывало жирному и сладкому, что так умело теперь эксплуатируют большевики.

– Вы на карту давно смотрели? – укоризненно прервал Зверьянский. – Вернёмся домой – взглянете. Эдаких-то просторов мало России?!

– А вы что, – сдерживая ярость, сдавленно произнёс Костарев, – измерили силу русских и приобрели право решать, чего с них достаточно? Почему Англия, уже имея Индию и Австралию, захватила ещё и Новую Зеландию, не сказав «хватит»? Почему отняла Мальвинские острова у Аргентины? Почему, проглотив треть Африки, сцепилась с Францией из-за крохотного форта Фашода и, не спасуй французы, была готова вести с ними долгую кровопролитную войну? Почему сожрала и обе бургские республики?

Я могу привести десятки примеров, когда английское правительство, казалось бы, не могло уже не сказать «хватит», но не сказало этого! В своё время не говорило подобного и испанское правительство. И ряд других – тоже! Зато российское, по-видимому, следовало вашему совету, доктор, и только и делало, что подходило к карте и твердило: «Ну и будет с нас! Довольно!» Как ненужный излишек продало Аляску, Алеуты...

Однако при этом совалось в европейские дела, лезло на Балканы! Это всё равно как если бы Англия, вместо того чтобы забирать заокеанские необъятные плохо защищённые земли, лезла бы в Швейцарию, на Сардинию, на Сицилию.

Но нет, английское правительство всегда оказывалось достойно своей нации, тогда как наше не вмещало духа народа – самого величайшего, самого творческого народа мира.

«Ни-и-икогда не соглашусь с его рассуждениями, – взволнованно протестовал доктор. – Однако же до чего он трогателен в своих заблуждениях! Какая любовь к России снедает его!»

– В детстве, в юности, – говорил Костарев со страстью, – меня изводила невзрачность российской провинции, её душная мертвой тоской неподвижность, невозможность в ней каких-либо открытий, приключений, подвигов. Как манили меня Кордильеры, Соломоновы острова, горы и равнины Тибета! Как хотелось мне быть до мозга костей мексиканцем или не знающим страха сикхом. Не исключительно ли это русская черта, доктор: находить любимые национальные типы и отождествлять себя с ними?

15.

– Помните, доктор, в момент нашего знакомства вы заговорили о «небедных», как вы выразились, помещиках Костаревых? Именье под Инзой, о котором вы упомянули, принадлежало моему дяде. Я вырос в другом – победнее. Позднее унаследовал и его, и дядино.

В юности я уехал за границу, путешествовал, поездил по Мексике, побывал в Аризоне, в Клондайке. Двадцати трех лет уплыл в Южную Африку и воевал волонтером на стороне буров против англичан. Когда армии бурских республик были разбиты, я ещё два года участвовал в партизанских действиях буров. Кажется, лишений натерпелся вдоволь, головой рисковал достаточно. Однако же как только возвратился в Россию, я почувствовал – переполнявшая меня энергия далеко не растрочена. Исходящее от этой земли нетерпенье электризовало меня. Но теперь я устремился не за моря, а в революцию.

Я вступил в боевую организацию анархистов, участвовал в экспроприациях, в актах террора. И лишь в девятьсот седьмом году с меня оказалось довольно. Я понял: отнюдь не великая революция надобна народу... Продав унаследованные именья, я купил в глубине Финляндии полтора десятка десятин леса с прекрасным озером, занялся разведением коров и рыбной ловлей. Женился на простой

финской девушке, она родила мне четверых детей. Я был бы совсем счастлив, доктор, если бы не думал о том, куда Ход Истории влечёт Россию...

Потроша, коптя рыбу, сбивая коровье масло, я размышлял... Ход Истории ещё не поздно обмануть. Направить колоссальную неистраченную энергию России не на самое себя, а на Восток.

– Далась же вам география! – в сердцах воскликнул Зверьянский.

– Ах, Александр Романович! Будь по-моему, Пудовочкин и тьмы ему подобных разбойничали бы сейчас в пустыне Такла-Макан, а в вашем тихом Кузнецке некому было б бесчинствовать. Но и теперь ещё можно всё исправить. Именно для этого я год назад приехал из Финляндии, вступил в партию большевиков, сделался комиссаром красного отряда.

Если мой план удастся – о! Мы бросим против большевицкой идеи – идеи будущего рая – иную! Идею рая, до которого лишь несколько недель пути. Наши листовки, газеты, брошюры станут лгать о невиданном изобилии в Корее, в Монголии, Тибете. Мы мобилизуем всех художников, и они будут малевать картинки мужицкого счастья в тех краях. Мы сделаем упряжной лошадкой давнюю мечту русских мужиков о волшебной стране Беловодье. Не зря её искали на Алтае. А мы направим народ дальше: в Непал, в Лхасу, в Сикким!

Неверящих станем принуждать к движению жёсткой революционной властью. Тех, кто агитирует против, будем расстреливать как шпионов, пособников государств, которые сами хотят заглотнуть райские просторы.

«Что значит болезнь, – остро переживал доктор, – куда занесло! Но какое чувство!»

– Управитесь ли с расстрелами? – обронил он. – Поди, всех неглупых придётся... того...

– Это уж заботы Пудовочкина.

16.

В пяти верстах от Кузнецка, на даче потерявшего имение помещика Осокина, собралось человек двадцать кузнечан. На крыше дома и в дубовой роще неподалёку засели наблюдатели, чтобы предупредить о приближении опасности.

Вечерело. Гости сидели в гостиной. Говорил начальник станции Бесперстов:

– На станции Кротовка, господа, безобразничала кучка красных. Кассира, понимаете, расстреляли, за ним – буфетчика. Взялись за тех, кто имел огороды, – связывали, били, заставляли сказать, где спрятаны деньги. Несколько бедняг замордовали до смерти. Наконец население сговорилось: четверых заводил прикончили, остальных – под замок, в пустой пакгауз.

Послали делегатов в Самару, в совдеп: так, мол, и так, нет наших сил терпеть бандитизм... Явилась в Кротовку проверка. Арестованных выпустили, но из Кротовки удалили. Убитых красных признали «провокаторами». Кары никто не понёс.

– Это пока не понёс, – многозначительно заметил помещик Осокин. – А в недалёком будущем? Желательно бы поглядеть.

– Говорю, что есть, – возразил Бесперстов, – о будущем не гадаю... Возле станции Липяги было, в селе того же названия. Пришёл красный отряд – убили хозяина постоянного двора. И давай баб, девок бесчестить. Ежедневно и ежедневно, понимаете. До недорослей добрались. Ну, население – ходоков в

Самару. Прибыл комиссар интеллигентного вида, с ним дюжины две солдат. Требуется у отряда выдать наиболее отъявленных, а отряд – ни в какую! В нём семьдесят с лишком штыков. Тогда комиссар мобилизовал население, и общими силами рассеяли негодяев, несколько попавших в руки были показательно расстреляны. Затем, правда, пришла в Липяги красная рабочая дружина. Священника расстреляли. Грабят. Но не насилуют!

– Облегчение... – вздохнул Осокин.

– Я не разбираю вопрос о сомнительности облегчения, – не без чувства обиды заявил Бесперстов, – я говорю моё мнение! Оно состоит в том, что если мы истребим банду Пудовочкина, есть твёрдая надежда избежать многочисленных казней. Сам я, как зачинщик, готов ответить своей головой!

Хозяин колбасной Кумоваев обнял сидящего рядом сына, поручика:

– Я и мой Олег объявляем о себе то же самое! С первого часа, как у меня в магазине эта сволочь убила Гужонкова, меня всего бьёт. Ведь это ж я бедолагу под смерть подвёл! Назвал его палачу. Не понимал, что бедному угрожает... Мне кусок в горло не идёт!

– Очень хорошо, Григорий Архипович, – сказал Бесперстов с пылким одобрением (выходило: он одобряет то, что кусок не идёт в горло Кумоваеву), – хорошо

и важно, – продолжил он, – что вы за самую решительную меру! Это многим будет в пример.

Слова начальника станции подхватили купец Усольщиков, бывший пристав Бутуйсов, приказчик галантерейного магазина Василий Уваровский – непременный участник всех домашних спектаклей в городе, любимец дам.

Затем заговорил капитан Толубинов, потерявший на германском фронте правую руку, она отнята по самое плечо; в теле сидят две пули. Капитан сообщил, что имел доверительную беседу с председателем совдепа Юсиным.

– Одно время на фронте мы с ним были накоротке. Он как большевик, господа, вы понимаете, о теперешних делах ничего определённого не сказал. Но дал понять... Если мы уничтожим отряд Пудовочкина, не тронув никого наших местных большевиков, и тотчас заявим в Москву о нашей горячей преданности советской власти и тому подобное, он, Юсин, со своей стороны, подтвердит нашу правоту. И наверняка можно будет сказать, что карательных мер против города не последует. Комиссары – люди практические. Поймут – отряда не воскресить. Так зачем им раздуть пламя, делать врагом целый город?

– Вполне справедливо! – поддержал старший бухгалтер хлеботорговой компании Билетов. – Юсин, господа, – большевик, но я ему, знаете, верю. Теперь, когда нам стала известна его позиция, думаю, все точки расставлены.

С ним в общем согласились.

– Следовательно, – предложил капитан Толубинов, – перейдём к военной стороне дела...

17.

Зверянский со своим постояльцем вернулся домой. Доктор узнал от домашних о новых злодеяниях Пудовочкина: об убийстве на рыночной площади десятерых подростков. Застрелены их родные, посмеявшие требовать разъяснений, куда и зачем уводят ребят.

Доктор бегом поднялся в комнату постояльца.

– Валерий Геннадьевич, дорогой... за эти часы бесед мы как будто пришли к взаимопониманию, у нас одинаковые взгляды на некоторые святы вещи... Вы, скажу вам прямо, мне симпатичны! Я умоляю вас: немедленно употребите ваше влияние, приложите ваши недюжинные силы и остановите кровавую оргию!

Костарев прохаживался по комнате, с интересом поглядывал на Зверянского сквозь пенсне. Тот протягивал к нему крупные жилистые руки.

– Поеду-ка я к моему Пудовочкину, – помолчав, сказал Костарев.

– Поезжайте, дружочек, скорее! Сделайте святое дело!

Доктор не лёг спать, ждал возвращения постояльца. Тот приехал далеко за полночь. Тотчас Зверянский поспешил к нему, комнату озарила свеча.

– Валерий Геннадьевич, умоляю, не терзайте! Варфоломеевская ночь остановлена?

Человек с бородкой утвердительно кивнул:

– Можете не волноваться, – прилёг на канапэ. – Ну, и полюбовался же я, Александр Романович, на это творение природы! Угодил к ужину. Товарищ Пудовочкин прибрал сковороду отбивных, столько же жареной рыбы, горку пирожков с ливером, обильно сдабривал всё это настойками и винами из погребов сахарозаводчика. Напоследок съел дюжину пирожных, фунт конфет, выпил графин сладкой наливки.

– Чудесно, – вырвалось у Зверянского, – что вы сумели воздействовать на это прожорливое кровожадное чудище!

– Вот вы как о нём! А он меня, между прочим, о вас расспрашивал. Уважает врачей! Любит, чтобы его осматривали.

– Да я ему стрихнину дам!

– Ф-фу, что я слышу и от кого? – нервное породистое лицо Костарева исказила гримаса. – Вы же – отъявленный добряк, и вдруг эдакие заявления. А товарищ между тем прислал вам подарок. – Он встал, достал из кармана пальто бутылку: – Ром, настоящий на рябине. Большая редкость нынче! И это не всё... – вышел на лестницу, кликнул ординарца.

Через несколько минут на столе появились жареные цыплята, белый калач, изюм, шоколад.

– От него – ни в коем случае! – замахал руками Зверянский. – И вы забыли, что сейчас же пост!

– О, как вы умиляете, доктор! Ваша душа заматерела в добродетели. Из таких прелестно-бесхитростных рыцарей получают отменные портильщики великих дел. Вас просто необходимо расстрелять! Если я не сделаю этого, вы можете погубить исключительную возможность сыграть против Хода Истории. С меня надо будет тогда содрать кожу с живого, вытягивать из меня жилы...

«Я усугубил его болезненное состояние, – подумал, злясь на себя, доктор. – До чего же он мучается! А ведь он только что постарался для людей». Зверьянский попросил прощения.

– Я вас не обижу, Валерий Геннадьевич, предложив чаю?

Позвал горничную. Приземистая большерукая Анфиса лет под тридцать внесла самовар, мрачно взглянула на постояльца, вышла, быстро и сильно ступая. Доктор наполнил чашки чаем. Костарев молча налил рюмку рома, выпил.

– Не могу смотреть, как вы убиваете себя.

– Перестаньте раздражать! – желчно, грубо оборвал Костарев. – Что такое – ваша заботливость обо мне? Чушь! Её никак не должно быть. Если б вы вправду могли сочувствовать мне, то заботились бы о том, ради чего я в любой момент готов отдать и свою, и миллионы чужих жизней. Ничего дороже этого явления нет и не может быть, ибо это явление есть Россия!

18.

«Понесла молодца лихая! – с тоской подумал доктор. – Но ведь искренен! Дай-ка подсажу болезного на его любимого конька...»

– Вот вы рассуждаете, Сан-Франциско надо было в своё время колонизовать...

– Продолжать с него колонизацию, – поправил Костарев, – двигаться на восток, по просторам, куда в те времена ещё не добрались янки. Граница между русской и англоговорящей Северной Америкой пролегла бы с севера на юг через нынешний город Денвер!

«Милый вы мой Александр Македонский!» – мысленно воскликнул доктор, у него щемило сердце.

– Дружочек, Аттила вы мой, – пробормотал он. – Откуда же сил было взять? Мы Кавказ полвека покоряли...

– А вот Кавказ, Крым следовало оставить на сегодня! И без Польши, Литвы, Финляндии надо было обойтись. Не лезла же Англия присоединять Данию. Энергию нужно забрасывать подальше и туда, где свободнее. Нам бы не грызться с Турцией, а ещё при Петре Первом – все силы в Северную Америку! Отменить крепостное право – мужики б и потекли. Да ещё сказку о заморском чудо-счастье распустить. С кого этого б не достало, тех насильственно выселять, как делало английское правительство, когда освобождало земли для нужд овцеводства. Гнать и подгонять. И обещать, обещать! Мелкопоместные дворяне поразорялись бы без рабочих рук и сами в Америку побежали б. И хорошо – ибо все главные нигилисты вышли из них. А так: мирная жизнь не для вас? На Восток! Вот вам просторы – дерзайте.

Кто не поедет, а по лесам станет шататься – вешать! Деревня в назначенный срок не струнулась с места – сжечь!

– Да вы прямо Нерон, – сказал Зверьянский не с насмешкой, а с состраданием.

– Нет. Всего лишь английский король Генрих Восьмой.

– Да-аа-с! – доктор глядел на человека в пенсне, проливая чай и не замечая этого.

Костарев выпил рюмку, не притронулся к еде. Доктор промолчал в унынии. Сдерживая вздох, спросил:

– Вот вы толкуете – все силы туда. А отделись они потом от нас, как американцы от Англии?

– И пусть! Появилась бы большая страна – Русский Союз Губерний Америки. Все силы возбужденья, весь революционный элемент – там! А в самой России – покой, тишь. Земли всем вдоволь, и сидят на ней истинные труженики, а не охотники пограбить. Нищеты этой омертвелой, избёнок дрянных нет, а только усадьбы да дома под тёсом, под железом... о!.. Не могу говорить – больно! Какую проспали игру!..

Но и недавно была вероятность комбинаций. Отстраниться от Европы! Пусть бы она – без вмешательства России – погрязла в войне. А нам – брать реванш над Японией. Занять Корею, Монголию. Кто б воспрепятствовал, кто? Но наша верхушка – царь, это мелкое существо – предали интерес России, столкнули её с Германией. Какую за это казнь придумать? Какое проклятье?..

В правой руке Костарева – серебряная чайная ложка, он взмахивает ею. Левая рука сжата в кулак.

– Вероятен ряд комбинаций. Первая: союз Пудовочкина с Дутовым против большевиков. В дальнейшем – действия по обстоятельствам... Или: устранение Дутова и привлечение его сил к Пудовочкину. Отсечение от Центральной России Урала, Туркестана, Сибири.

Дальше опять же два предположительных хода. Первый: наступление на Москву для свержения большевиков. Но как поведёт себя народ? Большевицкими лозунгами очарованы многие. Наступление может провалиться из-за противодействия племса. Не лучше ли ход второй? Движение в Монголию, в Синьцзян, усиленная пропаганда и агитация относительно земного рая там? Население станет перебегать от большевиков к нам, и тогда их власть останется лишь подтолкнуть.

– Вы верите... – пробормотал доктор, – что вам поверят?

– Если поверили лжи большевиков, то почему не поверят нашей? Но нужна ужасающая и тем самым обольстительная фигура вожака черни, фигура пресловутого Хама с большой буквы.

– Помнится, – сказал Зверьянский, – вы не так давно превозносили русский народ. А сейчас допускаете о нём такое...

– Лишь мудро влюблённый, – перебил Костарев, – я подчёркиваю слово «мудро»! – лишь мудро влюблённый не боится видеть все недостатки любимого и воздействовать на них к его пользе, жертвуя собой!

– Вы потрясающе в вашем заблуждении, и... – доктор почесал тугую бритую щёку, – не понимаю... может, вы и Пудовочкина любите? Когда вы давеча поехали к нему, я подумал, как вам, должно быть, противно говорить с ним, но вы берёте на себя это бремя ради населения нашего города...

– Я не говорил с ним о вашем городе! Я говорил о городах Урумчи и Хотан, о пути в Тибет. Почему вы не поймёте? Всё, что не сопоставляется с Ходом Истории, – пустяки для меня!

– Не говорили? – в ужасе прошептал Зверьянский, приподымаясь из-за стола; его мясистая нижняя губа отвисла.

Утром доктора позвали к больному. «Больным» оказался начальник станции Бесперстов. Он сидел в спальне на кровати и держал на коленях грелку. У окна стоял капитан Толубинов; пустой правый рукав гимнастёрки аккуратно заправлен под поясной ремень. Ростом офицер чуть выше среднего, длиннолицый, он тщательно выбрит, в умных глазах – обаяние спокойной твёрдости.

Зверянскому предложили участвовать в заговоре. Доктор тотчас согласился. Деликатно наклонив голову в его сторону, Бесперстов обратился к капитану:

– Вот, казалось бы, не был человек на войне, на медведя с рогатиной не ходил, а в его смелости я был убеждён! Как какая несправедливость, кто первый на защиту слабого? Доктор Зверянский.

– Может, это не столько смелость, – скромно заметил доктор, – а запальчивость. Я по моему сыну Юрию замечая: что-то его возмутит – как спичка вспыхнет!

– Сына придержите, чтобы не последовал примеру несчастного Семёнова, – встревоженно предупредил Бесперстов. – Пусть уж потерпит до общего выступления.

– Пришлите сына ко мне, – попросил капитан Толубинов. – Я ему разъясню...

Зверянский поблагодарил. Вскочив со стула, возбуждённо заходил по комнате.

– Я сам, господа, едва терплю! О, первый, в кого я с радостью... я не боюсь это сказать – с радостью! – всажу пулю... мой постоялец комиссар! Вчера он позволил себе такое...

– Требовал денег? – спросил Бесперстов.

– Что ему деньги? Тут пострашнее. Тут – философия!

– Философия – это хорошо, – сказал капитан тепло, как говорят вежливые люди о чём-то дорогом для собеседника. – Плохое в другом, в том, что мы часто недооцениваем противника. Комиссары, они – дошлые. А вы – прямой человек. Заспорите с ним по философскому вопросу: ваша ненависть и прорвётся. Он поймёт в вас врага. А нам сейчас очень пригодилось бы ваше с ним приятельство. Ведь что сейчас самое страшное? Донос. В этом случае комиссар мог бы проговориться вам, и мы успели бы изменить план...

Доктор остановился, размышляя. Произнёс с уважительной весомостью:

– Вы, безусловно, правы, господин капитан! Я с готовностью подчиняюсь военной дисциплине. Всё, что в силах человека, будет исполнено!

20.

На Шестом разъезде в будке путевого обходчика собралось руководство заговора. Выступили Бесперстов, купец Усольщиков, поручик Олег Кумоваев, другие. Дела обстояли так.

Мужчин, вполне способных владеть оружием, включая тех, кто побывал на фронте, насчитывается в городе примерно две тысячи. Около половины согласилось участвовать в деле.

Красногвардейцев насчитали четыреста двадцать. У них два станковых и три ручных пулемёта. У многих, помимо винтовок, – револьверы, гранаты... А у кузнечан с оружием плохо.

Были собраны деньги. Верные машинисты, по поручению Бесперстова, закупают оружие в Пензе, в Самаре, на разных станциях. Привозят тайком, в тендерах паровозов.

Через Кузнецк проезжают солдаты, возвращающиеся с фронта, охотно продают оружие. Но капитан Толубинов настрого запретил покупать его на станции Кузнецк, так так это наверняка стало бы известно красным.

Поручик Кумоваев сообщил: в настоящий момент у заговорщиков в наличии чуть более трёхсот стволов. Из них винтовок – шестьдесят две, охотничьих ружей – сто три; остальное – револьверы. Ещё пятьсот человек будут вооружены только ножами, топорами, заточенными лопатами.

Помещик Осокин высказал своё мнение:

– Надо доставать ружья. Выступать не раньше, чем недели через две.

Его поддержал бухгалтер Билетов:

– Куда, господа, с револьверами против винтовок, пулемётов? Я невоенный, но, знаете, это-то понимаю.

– А между тем, господа, – мягко, будто соглашаясь, сказал капитан Толубинов, – стоящая перед нами задача совершенно разрешима при наших возможностях. Разумеется, перевес красных в огневой мощи, в количестве и качестве вооружения значителен. Но мы не собираемся сражаться с ними в поле...

Он изложил план. Красногвардейцы расположились на постой в ста семи домах, в среднем по четверо в доме. Нужно выбрать момент, когда подавляющее большинство их будет находиться по квартирам. Возле каждой должна оказаться боевая группа в шесть-семь человек. Другие группы, некоторые числом до десяти боевиков, займут тактически важные пункты на площадях, перекрёстках, на крышах домов, откуда открывается большое простреливаемое пространство. По общему сигналу, кузнечане бросятся истреблять красных.

– Ох, и деловая голова! – воскликнул купец Усольщиков. – Сразу видать героя войны! Приказывай, братец, веди нас: победим вчистую.

Попросил внимания бывший пристав Бутуйсов:

– Надо очень серьёзно отнестись, господа, к назначению руководителей групп. И спешить, спешить! Не хочу говорить о предательстве – ну, а ненароком сорвётся у кого с языка?

– Вполне может иметь место-с, – подтвердил Василий Уваровский.

– Готов хоть сегодня к восстанию! – заявил Григорий Архипович Кумоваев. – У меня двустволочка бельгийская: триста патронов к ней зарядил картечью.

Капитан Толубинов, придав голосу приятную взволнованность, с видом, будто объявляет то, что имели в виду все выступавшие, сказал:

– Лучшее время – Пасха! Через три дня.

Собравшиеся оживлённо заговорили. В самом деле, никто не удивится, что спозаранок будет много людей на улицах – идут в церкви. Самый удобный момент для начала действий: семь утра. Уже разойдутся по квартирам ночные

патрули красных. Часовые, которых ставят на ночь на перекрёстках и площадях, покинут посты. А до поверки, когда все красногвардейцы повыбегут из домов, останется ещё полчаса.

– Сигнал – набат! – уведомил поручик Кумоваев. – А чтоб по ошибке своих не побить: все наши будут с непокрытыми головами.

– Этого маловато, – возразил купец Усольщиков, – в эдакую минуту и красным будет не до шапок.

– Хорошо, – сказал поручик, – мы ещё рукава засучим по локоть!

Зверьянского, несмотря ни на что, тянуло к постояльцу, Александр Романович объяснял себе, что общается с ним «ради дела». В тот день, когда доктор побывал у Бесперстова, он предложил Костареву сыграть в преферанс.

– Вот уж увольте! – отказался тот. – Никогда не представлял себя в роли картёжника.

Не привлёк его и бильярд.

– А что, если в шахматы?

Шахматы – штука достойная, но, пояснил Костарев, требует слишком большого напряжения ума. А он не может позволить себе умственного отвлечения. Доктор кивнул: понятно – комбинации... Шашки, пожалуй, подошли бы – обронил постоялец – да и то: поддавки.

– Поддавки?

– Угу, в этом легкомыслие, а оно способствует поворотам мышления.

Они играли в поддавки, беседовали. Костарев рассуждал о том, что не зря в русской философии, в искусстве развиваются предположения о тайном и великом значении Тибета для будущего России. К сему пытались приобщить царя: дальнейшее показало, насколько это было безнадежно... Трусливые ренегаты не выносят высокого, используют власть, чтобы сковать вокруг силу духа, волю, порыв.

Тогда как власть должна быть... романтичной! Всей мощью государства с решимостью необыкновенной утверждать образ волшебного Беловодья!

Костарев деловито сообщил доктору, какие в скором времени прокламации будут распространяться среди крестьян: «А хоть бы приди в ту страну с одним топором да в лаптях, через полгода ты в пятистенной избе в два яруса. Будешь в смазных сапогах при десяти конях. Коров опять же двадцать да овец сто голов. На обед у ты – щи с мясом, сало жареное, а на воскресный обед – гусь. А пироги с яйцами в той стране едят во всякое время как семечки».

Заградительные отряды станут расстреливать всех, кто попытается без позволения вернуться в Россию. Установится жесточайший порядок передвижений. Проповедники взгляда, что Россия должна вмешиваться во внутриевропейские

дела, будут ликвидированы как вредные животные. Страна получит встряску и перейдёт к условиям походной жизни.

– Невыполнимо? Ну почему же? Старообрядцы переселялись в Америку, в Китай. Значит, можно организовать и всенародное переселение в Синьцзян, Тибет, в Монголию. Чем шире и глубже будет разоренье от диктатуры большевиков, тем охотнее двинется плебс. Движение в неизвестность – его излюбленное средство спастись от бедствий. Повторится поход Чингис-хана, Батыя в обратном направлении. Революция будет согнана с мест, которые ей благоприятствуют, и загнана в грандиозной скачке, как исполинский зверь. Она падёт и издохнет в пустыне Гоби! – Костарев отдал доктору последнюю шашку и тем выиграл партию в поддавки.

22.

Доктор еле сдерживался. Слушая шокирующие планы, он лихорадочно напрягался, словно перенося физические страдания. Планы ужасали кровожадностью, но они были явно несбыточны. Так чего же страдать? К тому же, скоро всё должно кончиться. И несмотря на это – а скорее, именно поэтому – доктор страшно нервничал.

– А вы – живописец! – он, наконец, не вытерпел. – И воли себе дали вдоволь. А всего интереснее, что во всех этих деяниях наверху у вас будет Пудовочкин.

Костарев усмехнулся:

– Пудовочкин или Пудовочкины будут лишь до тех пор, пока большевиков в крови не утопим. А дальше страну поведёт пожизненный правитель – русский, представьте себе, венецианский дож!

– Понимаю ваш внутренний смех, доктор, – мрачно продолжал человек в пенсне. – Вы смакуете убийственный, как вам мнится, вопрос: не себя ли я вижу всемогущим дожем? Возможно, и себя! Но это лишь одна из вероятностей. Если я встречу более достойного, я сделаю всё, чтобы высший пост занял он!

– Позвольте спросить, благодаря чему он будет достоин такой жертвы?

– Благодаря тому, что соединит в себе Оливера Кромвеля и шведского короля Карла Двенадцатого!

Доктор поморщился, поднял руки к голове, будто у него стреляло в ухе.

– Не много ли иностранщины? Помнится, кто-то был ещё и Генрихом Восьмым...

– Ни один англичанин, – заявил Костарев утомлённо, точно вынужденный повторять прописные истины, – уже не сможет стать Генрихом Восьмым или Кромвелем. Ни один швед – Карлом Двенадцатым. И только русский, если понадобится, будет и тем, и другим, и третьим! Неужели вы не видите по себе нашей широты, Александр Романович? Не ощущаете в себе Эсхила? Сократа? – В глазах Костарева – неподдельное изумление.

Зверьянский нервно хохотнул, хотел пошутить и сам почувствовал, что вышло фальшиво:

– Уж не взыщите с нас, с тёмных... не ощущаю-с. – Сердясь на себя, сварливо спросил: – И на что же можно будет полюбоваться в ... э-ээ... новой России, когда ваши планы, г-хм, исполнятся?

– Картина следующая. Малозаселённость. Строгое сохранение природы.

Власть у крупных земельных собственников. Частные предприниматели и компании бурно развивают промышленность на Урале, в Сибири. Вербовка рабочих рук производится под контролем государства...

– Крупные собственники властвуют! – вскричал доктор. – И это провозглашаете вы – революционер.

– Бывший! – поправил Костарев. – Ярый якобинец Фуше сделался герцогом Отрантским. Генерал революционной Франции Бернадотт – у него на груди была татуировка: «Смерть монархам!» – стал королём Швеции. Да и сам Наполеон в ранней молодости болел коммунизмом.

– Ага, наконец, и до Наполеона доехали, – сказав это, Зверьянский возмутился собой: «И чего только я себя распаляю таким бредом?» Стал объяснять собеседнику, что у того не программа, а крикливые фразы, нечто до ужаса реакционное, нежизненное.

– Я далёк от политики, однако же знаю: монархия отжила своё! Пора уничтожить и крупное землевладение. Не больше ста десятин на семью – и будьте здоровы! Мелких собственников поощрять. Ввести выборность снизу доверху. Никакого назначенчества! Дать народу всеобщую грамотность. Строить больницы, родильные дома...

– Программа для узенького трусоватого народца! – оборвал Костарев. – Сделать сие не так уж трудно, но будет только хуже. Скажите ещё о мерах против пьянства... Ну взгляните же без шор: кому вы всё это сулите? Русский народ – это

Гомер с глазами и мечом Геракла! Он хотел бы каждый день создавать и разрушать Троию! И он уже загулял: вот суть тех фактов, что сегодня так возмущают вас. Неужели его теперь убажуют ваши жидкие постные блюда? Если его не погнать в нашествие, он, изничтожая сам себя, от скуки раздробит Земной Шар.

– Россия должна скакнуть, как отоспавшийся исполин, – с тихой одержимостью говорил Костарев. – Мгновенье – и Кяхта, Харбин, Пхеньян станут русскими городами! Казачьи станицы появятся в предгорьях Гималаев. Русские косоворотки будут носить на Цейлоне, на островах Фиджи...

У доктора задёрнулись щёки. Он знал, что недопустима и тень усмешки – но не мог подавить смеха. Слезы текли по выбритым полным щекам, вздрагивали, кривились губы. Смех душил и сотрясал Зверьянского.

Костарев замолчал. От его лица отхлынула кровь; стало казаться, что усы, борода наклеены на выбеленное папье-маше.

– Добавлю ещё кое-что, чтобы вам стало и вовсе весело, – произнёс он удручённо, без гнева в голосе. – Я утверждаю: мне никто не в силах помешать – кроме меня самого... Должен признаться, – продолжил с убито-покаянным видом, точно сознаваясь в преступлении, – мне не чужда прекрасная холодная дама по имени Гордость. А она столь привередлива, что не поступится какой-нибудь мелочью... вроде, я не знаю... вроде, например, обязанности отплатить за доброту, за обыденную, житейскую, банальную доброту. А стоить это может безгранично много... – Человек в пенсне вдруг сказал без всякого перехода: – Вы – провокатор, доктор! – сказал так горько, так смиренно, что Зверьянский не взорвался, не схватил его за горло, а только, опешив, налёг грудью, локтями на столик – тот затрещал.

Костарев встал, подошёл к шкафу, открыл дверцу. В шкафу висело полупальто. Он достал из его кармана револьвер, приблизился к вскочившему из-за стола доктору.

– Сейчас в этой машинке произойдёт вспышка пороха, газы выбросят маленький кусочек металла, который пронзит ваш мозг. Через миг всё кончится для вас, всё! Не мешайте мне: вы только причините себе излишние мученья... За год участия в революции я потерял здоровье. Вы, махровый благодетель, добиете меня. К тому же, вы всё равно будете агитировать против прыжка на Восток: ваше устранение неминуемо. – Костарев держал револьвер с изящной уверенностью.

– Французская вещь: самовзводный «Ронжэ», – зачем-то объяснил он. -

Калибр невелик, но заряд достаточно сильный.

Доктор с невероятной сосредоточенностью, словно именно от этого зависела его жизнь, следил, как револьвер поднимается на уровень его лица. Потом взглянул в потухшие вдруг, затомившиеся скукой глаза Костарева, в чернеющий зрачок дула. «А ведь убьёт!» – осозналось прозаически-сухо и оттого неопровержимо.

– Во время англо-бурской войны, – как бы рассеянно проговорил комиссар, – я вот так же в упор убил британского майора!

– Секунду, – тихо, не шевелясь, попросил Зверьянский. – Семья всполошится: вам же лишнее беспокойство... Завтра утром поедем в лес, и там вы сделаете ваше дело. Даю слово: я никуда не скроюсь.

Человек с револьвером помолчал и нехотя кивнул.

23.

Назавтра была Пасха. Кузнечане тщательно подготовили выступление. Но когда в дело вовлечено столько людей, неудивительно, что побежал слух о предстоящем. Надо удивляться тому, что это произошло лишь в самый канун выступления.

Местная большевичка Ораушкина, кухарка бесплатной столовой, узнала о сигнале к бою за полчаса до него. Когда принесла весть Пудовочкину, оставалось тринадцать минут.

Тот глянул в окно на рыночную площадь: было по-праздничномулюдно. Он ментально заметил среди народа нестарых людей с засученными рукавами и без шапок: они топтались близко от дома, держали руки в карманах.

Пудовочкин бросился в другую комнату взглянуть во двор. Он был пуст. Напротив дома – каретный сарай и баня. В их стенах зияют щели, отсутствуют несколько досок. Более чем вероятно, что там затаились стрелки, держат под прицелом окна и выход во двор.

В доме с командиром были Сунцов, пятеро охранников, да часовой стоял у входа с площади. Часового уколошат в первый же момент. Пудовочкин приказал отозвать его в здание. Мелькнула мысль о заложниках. Когда он занял дом, хозяин-сахарозаводчик с семьёй переехал в монастырь, где ему дали приют. Остались дальняя родственница-старуха, лакей и пожилая горничная.

Теперь никого из них не оказалось. Да и вряд ли захват этих людей остановил бы нападающих...

Командир и охрана металась по зданию. Пудовочкин понимал: выйди он, его немедля возьмут в кольцо или тотчас начнут стрелять, не дожидаясь общего сигнала. Отойти от дома уже не дадут.

Он сгрёб Сунцова за грудки:

– Так чего, Серёга, обожгутся они об нас?

Тот, бледный, вспотевший, ощерился:

– Подгорят, как без масла!

Гигант отбросил его, точно вещь, шагнул в нужник, возвратился в коридор.

– Они думают, мы под их пули выбежим, а мы: нате вам ...! Здесь станем отбиваться, пока отряд нас не выручит. Патронов, гранат, взрывчатки нам не занимать.

– А если перебыют отряд? – скучно спросил Сунцов.

– Чего? Прямо весь город и навалится, ха-ха-ха! Куда им. Четыре из пяти, кто обещался в бой, под койкой будут сидеть, я их нутро знаю. Оно, конечно: сразу-то много наших побьют тёпленькими, но вскоре и скиснут. Начнут сами обороняться, другие вообще побегут. – Пудовочкин говорил наставительно: охранники жадно внимали, сжимая винтовки. Раньше никто не слышал от командира больше трёх фраз подряд, а сейчас слова лились:

– Нас убивать досконально – на то нужен запал, которого нет у них. Мы – сила, мы – власть, а они – куриная публика. Так что волнуйтесь об одном: до завтра, до утра вам предстоит расстрелами заниматься, без передыхи.

Красногвардейцы заухмылялись. Заняли позиции у запертых дверей, у окон, нацелили во двор ручной пулемёт.

Пудовочкин опять зашёл в нужник: это был просторный с комфортом устроенный ватер-клозет. Единственное окошко, находясь в торцевой стене дома, глядело на узенькую улочку. В оконце не пролез бы и шестилетний ребёнок; вряд ли его сейчас стерегли.

Пудовочкин вооружился пистолетом и винтовкой, набил карманы патронами, повесил к поясу гранаты. Он мало верил в то, что сказал охране о «куриной публике». Мещане изменились за последнее время. Он знал случаи, когда они без чьей-либо помощи окружали и уничтожали бандитские шайки. Успокоив охрану, командир вовсе не собирался сидеть и отстреливаться в окружённом здании.

Он положил в оконце ватер-клозета десять фунтов динамита. В это время колокола ударили в набат. Из каретного сарая, из бани выскочили люди – оглушительно-резко застрочил ручной пулемёт, загрохотали винтовки охраны.

Пудовочкин зажёл фитиль, отпрянул в коридор, прыгнул в боковую комнату и лёг на пол. Дом качнулся от взрыва. Гигант вновь рванулся в нужник: в клубы пыли, в едкий дым. Полстены разнесло. Он перемахнул через груды битого камня, вывалился в пролом. Минуту спустя уже мчался по улочке.

Когда преследователи выскочили на улочку, бегущему оставалось до угла три шага...

Густо грянули ружейные выстрелы. Пудовочкин скрылся за углом. За ним бежали.

24.

Заговорщики выделили против Пудовочкина семнадцать человек. Десятеро приблизились к дому с фасада, семеро проникли в каретный сарай и в баню. Среди них – Толубинов и Бесперстов.

Группой в десять человек командовал поручик Кумоваев. Он и его люди видели, как в дом прошла Ораушкина: поручик заподозрил худое. Но шума в доме не поднялось, а Ораушкина была молодая здоровая бабёнка: так что её ранний визит мог объясняться не стремлением предупредить о заговоре, а совсем иной причиной. Когда часовой покинул пост у крыльца, пришла уверенность, что Пудовочкин ни о чём не тревожится.

А капитан Толубинов смотрел на часы. С ударом колокола он вышел из укрытия и был на месте убит пулемётной очередью. Бесперстов успел отскочить назад в баню. С ним рядом прижался к полу Григорий Архипович Кумоваев. Ещё двое залегли в сарае. От семи боевиков осталось четверо.

В этот миг землю потрянуло, саданул мощнейший раскат грома – у торца здания высоко взметнулся огненно-чёрный смерч.

Столб жёлто-коричневого дыма крутился, толстел – и в несколько секунд растаял.

Бесперстов, человек штатский, решил, что вторая группа бросила в дом гранату. Приподнявшись, стал бить из маузера в окно, откуда только что строчил пулемёт. В доме громыгнули два взрыва.

Дверь во двор распахнулась, выскочил один охранник, другой. Из сарая сухо затрещали револьверы, дуплетом шарахнула двустволка Кумоваева.

Красногвардейцы корчатся на земле в агонии. Из дома плывут клубы дыма.

Бесперстов, его люди побежали через двор.

И тут, пошатываясь, вышел Сунцов. В жёлтом полушубке, на груди – красный бант, шея обмотана ярко-зелёным шёлковым платком, чёрный разметавшийся чуб свесился на глаза. В руках – по револьверу, палит из обоих. Рядом с Бесперстовым кто-то упал.

Бесперстов нажал на спусковой крючок маузера. Сунцов повалился ничком, лоб стукнул о землю. Приподнялось окровавленное лицо:

– А ежели не сдохну? – перевернулся набок и, лёжа, дважды выстрелил в Бесперстова.

Кумоваев стоял над Сунцовым, в которого разрядил двустволку. Руки Григория Архиповича тряслись. Из семи человек его группы он один был живой.

25.

Когда ударили в набат, шестеро из десяти боевиков прижимались к фасаду дома: попасть в них из окон, не высываясь, было невозможно. Четверо других стали стрелять в окна из револьверов с расстояния сажени в три. Одновременно открыли огонь охранники. Один из них бросил гранату, бросил слишком далеко: она взорвалась позади нападавших, убив проходившую женщину, ранив нескольких случайных людей. Были ранены и двое атакующих.

Грохнул взрыв в торце здания. Те, кто прикинули к фасаду, не растерялись. Швырнули в окна гранаты. Затем один, пригнувшись, упёр руки в стену: другие стали вскакивать на него и прыгать в окно.

Первым был поручик Кумоваев. Он застрелил раненого охранника, схватил его винтовку. Бросившись в коридор, увидел зияющий дверной проём нужника, ку-

чу щебня, брешь в стене. Ещё не осознав, что это значит, подчиняясь инстинкту, рванулся в пролом. За ним кинулся Василий Уваровский – уже и он с винтовкой.

Очутившись на улочке, они заметили убежавшего Пудовочкина. Выстрелили по нему: поручик с колена, Уваровский – стоя. Пудовочкин пропал за углом, они помчались следом.

Кругом в городе трещали, стегали, хлопали, раскатисто гремели выстрелы.

26.

На Извозной улице, шагах в сорока от дома Зверьянского, стоял Фёдор Иванович Медоборов, бывший фронтовик, унтер-офицер, а ныне – пекарь. Он сам поставил себе задачу: добыть винтовку и, заняв позицию на перекрёстке, стрелять в красногвардейцев, которые окажутся на улице. Фёдор Иванович презирал красных. Он вышел безоружным, не прихватив даже ножа. Утро выдалось солнечное, но не тёплое. Однако Медоборов надел только пиджак.

К нему приближались трое красногвардейцев: очевидно, ночной патруль, с опозданием возвращающийся на квартиру. У двоих винтовки висели за спиной. Третий – низенький, пожилой, усатый – шёл с очень сердитым важным видом. К винтовке примкнут штык, она висит на правом плече; красногвардеец придерживает ремень рукой.

Он задиристо взглянул на Медоборова. Тот ослепительно улыбнулся, приложил два пальца к козырьку воображаемой фуражки. Низенький прошёл мимо. Другой, что шёл посередке, обернулся с усмешкой:

– К пустой голове руку не прилагают!

Грянул набат. Медоборов в два прыжка настиг усатого, сорвал с его плеча трёхлинейку, двинул прикладом в лицо. Тот, что посередке, отшатнулся к забору, сбрасывая винтовку со спины...

Медоборов мастерски выполняет приём штыкового боя (за годы службы скольких солдат он обучил этому!).

Человек заворожённо смотрит на штык – не успев повернуть винтовку, пытается заслониться ею от острия, рот раскрылся... острие ещё не коснулось его, а он страшно, с гримасой жути и удивления, ахнул. Через мгновение штык прошёл его насквозь, отчётливо стукнул в забор.

Третий красногвардеец побежал. А низенький, с разбитым лицом, с поднятыми руками, зажмурясь замер перед Медоборовым. Фёдор Иванович ткнул его штыком. Щёлкнув затвором, прицелился в бегущего. Расстояние было шагов тридцать.

Выстрел – голова беглеца брызнула радугой (солнце пронизало разлетевшиеся частицы крови, мозга). Бежавший с размаху упал так, что высоко подлетели ноги в хромовых сапогах. Ему снесло верх черепа.

Голубятник Ванька Щипцов наблюдал всё это с чердака. Долго мальчишки будут обсуждать короткую схватку, изображать Медоборова и троих красных.

27.

Семеро красногвардейцев закусывали, пили чай в просторной кухне Зверьянских на первом этаже. Винтовки были составлены в угол. Стол, за которым сидели постояльцы, рассчитан человек на двадцать. Горничная Анфиса подавала варёные яйца, горячую картошку, жареное сало с капустой. Жена и дочери доктора заперлись в комнате в полуподвале.

Сам доктор прогуливается в прихожей. Он при галстукке, рукава отутюженной рубашки закатаны по локоть. Вместо сюртука на нём жилет из хорошо выделанной овчины. Зверьянский то и дело достаёт из кармашка брюк часы, щёлкает мельхиоровой крышечкой. Наконец он вошёл в коридор и кашлянул. Из кухни выскочила Анфиса, молча пробежала мимо доктора на цыпочках. Минуту спустя зазвонили в церквах.

Доктор, встав в дверях кухни, палил из револьвера в сидевших за столом. Один повалился со стула сразу, второй успел вскочить и сделать шаг, перед тем как упасть. Другие рванулись кто к винтовкам, кто к окну. Зазвенели стёкла: в окно ткнулся снаружи дробовик кучера Демидыча. Стегнул утиной дробью.

Один из красногвардейцев уже вскидывал винтовку, когда, оттолкнув отца, в кухню ворвался гимназист Юрий. Его лицо ужасало. Он увлекался самодельными адскими машинами, одна взорвалась в руках, страшно изуродовав лицо. Когда оно искажалось от гнева, Юрий и в самом деле становился похож на легендарного Джека Потрошителя. Так Юрия звали в гимназии.

Сейчас он бешено кричал, сжимая «Смит-Вессон». Хлётко хлопнули выстрелы – красный не успел прицелиться: его пуля расколола изразцовую плитку печи, рикошетом ударила в чугунок с картошкой на столе.

Мелькали вспышки, пальба оглушала; ещё несколько раз изрыгнуло пламя ружьё Демидыча. Кухню наполнял плотный дым. Доктор и Юрий расстреляли барабаны револьверов. Демидыч вложил патроны в дробовик, влез в окно, тяжело спрыгнул на пол.

– Выйдите, Александр Романыч, вот этих добить надо...

Доктор, а за ним Юрий почти выбежали из кухни.

28.

До того как бегущий Пудовочкин свернул за угол, одна из двух посланных вдогонку пуль достала его. Она скользнула по рёбрам справа, пробив мягкие ткани под мышкой. Теперь движения правой руки причиняли острую боль, рука ослабла, онемела.

Пудовочкин был в Медном переулке. Вдоль него тянулись сплошные заборы, за которыми стояли добротные дома мещан, и во многих сейчас – командир это знал – убивали его людей. До ближайшего поворота – шагов сто. Он слышал за собой топот погони, понимал: пробежать эти сто шагов ему не дадут. Ожидая каждый миг пули, сделал то, что ему только и оставалось. Заметив слева забор пониже, перепрыгнул через него, понёсся по огороду.

Близко вжикнула пуля. Он в поле зрения, его вот-вот уложат. За огородом – ветхая ограда кладбища. Пудовочкин с разбегу проломил её. Падая вперёд, скинул «винчестер» с плеча, перевернулся через голову и с земли выстрелил в догоняющих. Их двое, они – саженьх в тридцати пяти. Оба упали, ударили из винтовок. Приближалось ещё пять-шесть фигур.

Он трижды стрельнул и побежал по кладбищу. Тотчас в шаге впереди него пуля разбрызгала земляной ком. «Играются! – ожгла мысль. – Мечтают живым взять, побаловаться...» Пригибаясь, ныряя за кресты и памятники, добежал до избёнки кладбищенского сторожа, ворвался в неё и запер дверь на крюк.

Сторож Ярулкин и его жена были дома. Ярулкин – лет около шестидесяти, но юркий – то и дело вскакивая с табуретки, рассказывал жене о том, что, должно быть, сейчас происходит в городе. Баба стояла, полуоткрыв рот, слушала выстрелы, охала и крестилась.

Когда Пудовочкин вскочил в домишко, она в оцепенении завизжала – пронзительный, на одной ноте, визг не прерывался... Ярулкин же схватился за голову, съёжился на табуретке, уставился в пол.

Гость прыгнул к окошку. Меж могил бежали преследователи. Выбив стекло стволom, стрельнул несколько раз: люди залегли. Он отцепил от пояса пятифунтовую, повышенной взрывоубойности, гранату Новицкого, широко размахнулся, преодолевая боль от ранения, метнул в окно. Рвануло за могилами, но в домишке посыпалась с потолка извѣстка.

– У меня дед и бабка! – проорал Пудовочкин, не высываясь наружу. – Станете ломиться, себя и их взорву! На мне ещё четыре гранаты. – Дико захохотал.

Старуха стала молиться, сильно дѣргая головой. Гость сидел на полу сбоку от окошка, раскинув громадные ножищи, привалившись спиной к стене. Казакин под мышкой набряк кровью. Дрожащие ноздри, какие-то по-детски испуганно-озорные, любопытствующие глаза.

– Неуж, – вырвалось у него, – помирать? Ой, неохота!

– А ты убитым тобой пожалься, – отчётливо прошептал Ярулкин.

Гигант приподнялся с пола.

– Ты чего, хрен, из ума выжил? – с жадностью вглядывался в старика. – Тебе не страшно?

– Ты есть мерзость, – с выражением жути выговорил Ярулкин, отодвигаясь вместе с табуреткой. Голос дребезжал, вопреки смыслу звучал ласково: – Как тебе не околеть? Околеешь: теперь тебе никуда...

Пудовочкин подбросился так, что доски пола затрещали под сапожищами, занѣс правую руку – и взмыкнул от боли. Огромная пятерня застыла над лысой головой Ярулкина. Казалось, ручища скомкает череп, точно картонный. Но надобна ещё жизнь человечка...

– У-уу, сторож мертвячий! – Пальцы скребнули стариковскую голову, сжались в кулак.

Опять рванулся к окошку, дважды стрельнул в сторону залѣгших за могилами, присел на пол.

– Чего так злобисся, сыч заковыристый? Твоего внука, што ли, списал?

Ярулкин ответил тихо, тоном угодливости:

– Внуки мои проживают в Сызрани, а на тебя я восстаю за общество. Ты – зверь геенны. Убивал без вины и убитых не давал по-людски хоронить. Радуюся я, что теперь околеешь, хотя и в моём дому.

На этот раз Пудовочкин слушал как бы покорно, когда сторож договорил – утробно, с рыком гоготнул, сказал с радостной торжественностью:

– Твоё общество сейчас развалюшку твою зажжёт! Ничего умней они не придумают. Я-то без боли себя застрелю, а ты с бабкой твоей пожаритесь неспешно, как два хорька в угольях. Ой, задушевно порадуешься...

Старуха тонко вскрикнула, упала на колени перед иконами. Пудовочкин

сладко рассмеялся:

– Боль-то от огня – о-оо, какая... поди-ка потерпи её! Чай, не минуту, не две, хе-хе-хе...

Вдруг он расправил саженные плечи, глядя на Ярулкина с демонстративной гадливостью:

– Или надеюсь, за вас, двух клопов, они мою жизнь уступят? Да они полста таких, как вы, да ещё двадцать малолеток спалят, лишь бы у меня жизнь взять! Да что им отец родной и хоть кто, когда есть я!

29.

Домишко окружили. Атакующие лежали за могилами, держась от избы саженях в тридцати. На кладбище всё прибывали люди, но поручик Кумоваев приказал задерживать их в отдалении: Пудовочкин поминутно стрелял из окон.

К поручику подобралась Усольщиков и Бутуйсов, сообщили, что с отрядом, кажется, покончено; всё дело заняло чуть более получаса.

– Значит, остался один главный, – заключил поручик. – Я ждал вас, господа, чтобы посоветоваться. – Он уже знал, что капитан Толубинов и Бесперстов погибли. – Придётся зажигать домик. Мерзавец уже убил бондаря Данкова, троих ранил. Банщик Бортников умирает от осколков его гранаты.

– А как же сторож с женой? – спросил Усольщиков. – Живы ли?

– Пожалуй, проверим. – Бутуйсов выглянул из-за могильного бугра, крикнул: – Эй, сударь! Заложники невредимы?

Пудовочкин сгрёб бабу, высунул в окошко чуть не до пояса.

– А-ай, не дави! – истошно кричала та. – Ай-ай, умираю!

Минуту спустя из окошка высунулась голова Ярулкина.

– Я позволяю...

– Не слышно! – крикнул Бутуйсов.

– Дозволяю, – слабо кричал старик, – и отдаю... этого... жизнь, чтоб окошел Пудовкин! Не поминайте лихом! И ещё от меня прошение: пускай отец Питирим отслужит за счёт общества по три молебна... за меня и старуху... по три!

– Сделаем, милый! – хрипло прокричал Усольщиков, у него хлынули слёзы.

Пудовочкин отдёрнул сторожа от окна.

– А это, хрыч, чтоб фамилие не путал! – шлёпнул старика левой ладонью по уху. У того из носу брызнула кровь. Свалился на месте.

30.

Несколько человек лежат за большим надгробным камнем.

– Как хотите, господа, а жечь избу нельзя! – прочувствованно сказал Усольщиков.

Поручик смотрел с досадой:

– Атаковать? Он ещё не менее двоих подстрелит, швырнёт гранаты, а стариков всё равно убьёт! Надо стрелять по окнам, под прикрытием огня – к домику. Бросить на него факела. Как военный заявляю: иначе никак!

– Э-эх, – тяжело вздохнул Усольщиков, – был бы жив капитан Толубинов, сказал бы, что делать: и как военный, и как русский человек.

Поручик в ярости привстал с земли:

– А я не р-русский?

– Русский, господин Кумоваев, безвинных живьём не пожжёт! Да прилягте вы! – Дюжий купец с силой придавил поручика к земле.

Тот поперхнулся злым смехом:

– А как же Пудовочкин? Тоже нерусский? Или, скажете, не жёг ещё безвинных, а только... к-хм, шлёпал?

– Русский он. И большинство его отрядников – тоже. Я не возражаю. Но они – про-оклятые! Они отдалися, они – потерянные. Это уметь надо пости-игнуть, тут – тайна...

– Ах, тайна! – Олег Кумоваев отвернулся.

Усольщиков, остыв, предложил мирным тоном:

– А не отпустить его к лешему? Взамен стариков?

– Как это исполнить? – сдерживаясь, спросил поручик.

– Пусть берёт сторожа с женой, идёт с ними к лесу. Мы будем приглядывать с отдаленья. У леса подойду к нему безоружный, с конём: скачи, подлец!

– Ускачет! – офицер усмехнулся. – А на прощанье вас и стариков пристрелит.

– Совершенно-с так оно и будет, – заверил Василий Уваровский.

– Ах, цар-рица немецкая, яп-понский городовой! – смятенно воскликнул Усольщиков. – Ну не может того быть, чтобы нельзя было не жечь стариков!

Поручик старался придать лицу безразличие.

– Вам угодно выставлять меня извергом, а я вам объясняю: как только они попали ему в руки, они – уже мёртвые. Мы ничем не можем им помочь, как не можем воскресить тех, кого он убил раньше!

– Вот что, господа, – произнёс до того молчавший Бутуйсов, – предложу-ка я себя в заложники. Знаю, знаю, что вы скажете: он и меня возьмёт, и их не отпустит. Ну и пусть! Пронесу револьвер или хоть ножичек, улучу момент – и...

– Никогда-с! – возразил Уваровский. – Он вас без поднятых рук не подпустит. А как войдёте – обыщет.

– Если уж так, – энергично заявил Усольщиков, – то лучше я пойду! Всё ж таки, Борис Алексеич, – с дружественной мягкостью обращался он к бывшему приставу, – я немного помоложе и посильнее вас.

Подполз на четвереньках доктор Зверьянский.

– Раненых перевязал, – сообщил он, – их домой унесли. А несчастному Бортникову я впрыснул морфий: разорваны кишечник, печень... Ну, а вы, господа: когда берём негодяя?

Ему объяснили. Доктора тотчас объяло воодушевление:

– Пойду я! От моего постояльца-комиссара, господа, я знаю: этот мерзавец охотно показывается врачам, беспокоится о здоровье.

– Пойдёте – и что? – спросил поручик с тоскливой иронией.

– Дам ему пилюлю, отвлеку его, а тут вы подберётесь...

– Шутка-с! – обронил Уваровский. – Не станет он сейчас брать пилюли-с. Не то время.

Остальные поддержали приказчика.

– Но другому он тем более не доверится! – доктор вдруг вскочил на могильный холмик, встал во весь рост: – Господин Пудовочкин! Я – врач! Вам нужен врач?

Пудовочкин мгновенно навёл винтовку.

31.

Каждое движение правой руки стоило боли. Он прицеливался, скрипя зубами. Боль пульсировала под мышкой, отдавалась в локтевой сустав.

– Впустите меня! – крикнул Зверьянский.

Раненый убрал палец со спускового крючка.

– Идите сюда, доктор! Советская власть вам зачтёт.

Зверьянский подхватил чемоданчик с инструментами, неторопливо направился к домику. Левая рука согнута, кисть поднята на уровень головы; доктор, улыбаясь, показывает окошку растопыренные пальцы.

Усольщиков, лёжа за могилой, перекрестил его в спину, пробормотал:

– И немолод, и – врач, а – сорвиголова! О-ох, болит душенька...

– Это называется: потери растут! – бросил поручик.

Впустив Зверянского, заперев дверь, гигант указал стволом пистолета на чемоданчик:

– Покажите саквояжик.

Глянув в него, скользнул к одному окошку, к другому. Понаблюдав, повернулся к доктору. Тот стоял, подняв мускулистые руки, кряжистый,

гладко выбритый, тугощёкий. «А как в клетку к тигру входят... – мелькали мысли, – или на войне изо дня в день – вставай и иди: под пули, на колючую проволоку, на штыки, под сабли конников...»

– Дрожите, – умилился Пудовочкин. Левой ручищей похлопал доктора по карманам.

«Какие ангельски чистые глаза! – с ужасом подумал тот. – Какое добродушие! Хоть в няньки к младенцу нанимай».

– По имени-отчеству как будете?

Зверянский ответил. Спросил, нельзя ли опустить руки?

– Угу.

Доктор глубоко вздохнул, чтобы не так учащённо вздымалась грудь. Огляделся в тесной низкой избе. Ярулкин сидел на лавке у стены; глаза полузакрыты, под носом и на подбородке запеклась кровь. Рядом, поставив ноги на пол, лежала боком на лавке его жена, молча следила за пришельцами. Пудовочкин, посматривая в окно, спросил доктора:

– Вас мой комиссар прислал?

– В какой-то мере...

Зверянский, волнуясь, соображал: что он, собственно, сможет здесь сделать? Не дал ли маху, придя сюда?

– Он не захвачен? Отбивается? Что с ним?

– У него всё в порядке. Ваш отряд, впрочем, истреблён!

– Ой ли?

Доктора пронял озноб: до того неузнаваемо изменились глаза Пудовочкина. Они точно уменьшились, остекленели. В Зверянского впились ледяной испытующий ум и злоба. Через мгновение глаза сделались мутными, как бы пьяными. И лишь затем опять стали прозрачно-добродушными, простецкими.

– Ну, вы обманывать не будете, – тепло сказал Пудовочкин. – Стало быть, перебили недотёп. Чего там – других наберём...

Миг – и он у окошка. Трижды стрельнул в него из пистолета. Вот он уже возле другого окна, у которого стоит «винчестер». Быстро прицеливаясь, послал три пули из него.

– Подбираться начали, хулиганы! – И беззлобно рассмеялся.

Из-за могил донеслось:

– В дом не стрелять! Там доктор!

– Теперь будут нянькаться, – любовно заметил Пудовочкин. – Вон этих, – кивнул на Ярулкиных, – спалили б со мной за милую душу. А с вами – никак и никогда! Я эту публику знаю. У них – фасон! Не пускали вас ко мне идти, а? Эх, и отменно вы им поднас...!

У доктора защипало корни волос. «Если я ничего не смогу и он окажется прав, – резнуло по нутру, – о! Лучше броситься на его пулю.»

Те, кто пытался приблизиться к избёнке, в растерянности лежат за могильным холмиком. Поручик извивается, кусает руку. Пуля раздробила ему голень.

32.

Отдаваясь в руки убийце, Зверянский почему-то думал, что поведёт себя находчиво. Теперь он ужасался, что не в силах хитрить.

Пудовочкин сказал:

– Комиссара моего вы спрятали, а он прислал вас меня вызволить?

Тут бы и подтвердить, войти в игру, но он с оторопью услышал собственные слова:

– Видите ли, чтобы вы знали... я – вам враг!

Доктор мысленно проклинал себя, в ярости хотел повернуться и уйти и вдруг вспомнил, что уйти ему не дадут. От мысли, что он мог об этом забыть, ему стало ещё хуже.

– Хорошие вы люди – какие с фасоном! – нежно смотрел Пудовочкин. – Обмана не выносите. Без благородства никак не живёте. – Он сидел на полу сбоку от окошка. – Прибыли, стало быть, старичков спасать? Каким манером?

Доктор стоял перед ним: руки на груди, взгляд устремлён вверх головы гиганта. «Какое безрассудство – прийти сюда! – билась мысль. – А всё характер: вспыхнул как спичка и напрямиком в клетку.»

– Я пришёл, – выговорил с усилием, – как врач... оказать помощь тому, кто в ней нуждается.

– Правильно! – одобрил Пудовочкин. – Очень верю. На то и фасон у вас, чтоб только так и делать. А я, Александр Романыч, ранен.

– Ранены? – доктор встрепенулся, подхватил с пола чемоданчик. – Надо осмотреть, и перевязку...

– С этим покамест не удастся – на ваших хулиганов каждый миг нужен глаз да пулька. Вы б сделали мне укольчик от боли. Морфий у вас при себе? Иголочка чистая? Вот и ладно.

«Наконец-то! – мысленно вскричал Зверьянский. – Всобачу ему лошадиную дозу!» Сейчас казалось, что он этого и ждал. Вовсе не безрассудство, что, вопреки воле друзей, он пришёл сюда. Его вело чутьё.

– Потребуем телегу с парой лошадок, – свойски делился Пудовочкин. – С вами да со старичками сяду. Докатим до Четвёртого разъезда, а там на проходящий на Пензу вскочу. Ворочусь через пару неделек с другим отрядом: пожалте, господа виновники, к ответу! Фасон уважаете? Ну-ка, подержите фасон перед ко-соглазой!

– Заладили: фасон да фасон... – доктор готовил шприц. – Что вы этим хотите сказать?

Пудовочкин глянул в одно окошко, в другое.

– Какие живут для интересности своей персоны: вот-де до чего благородно я делаю! каков я во всём наилучший! – эти и есть ваш брат, с фасоном. А мы – на полном отличии. Мы – люди с полезным понятием. В чём понимаем пользу, то и делаем, а там хоть чего про нас говори...

– Получается, – заметил доктор, – что наш брат глупее вас?

– Зачем же глупее... – добродушно возразил Пудовочкин. – Возьмите коня благородных кровей. Красота! И цена ему? Многие людишки и сотой доли не стоят. А всё ж таки он – лошадь. Он мне душу радует, но захочу – я его продам. И загоною вусмерть, коли мне надо.

– Так-так, получается, мы – кони. – Зверьянский держал шприц иглой вверх. – Ну-с, обнажите-ка руку!

Пудовочкин посмотрел на шприц, улыбнулся:

– Хе, от эдакой порции я закимарю, а меня хлопоты ждут. Извольте половину отбрызнуть.

«Кончено! – доктор ощутил, как заledenели руки. – Не усыпить! Всё выйдет так, как хочет эта bestия...»

33.

Кричи друзьям, чтобы зажгли домишко! Кричи – ты хочешь сгореть вместе с убийцей!

Они на такое не пойдут. И потом, ты – это ты, но призывать, чтобы заодно сожгли и стариков...

Дело погублено. О, ужас! Подадут подводу, мерзавец спасётся...

Нет – будет спасён тобой! Объясняй потом как угодно, почему ты пришёл сюда. Объясняй это и тогда, когда негодяй вернётся с новым отрядом, станет

мстить...

Перед сидящим на полу гигантом стоял крепко сбитый человек со шприцем в руке и мучительно желал смерти.

– Доза э-э... небольшая... – голос осип, прерывался.

– А спорить бы не надо, лицо терять, – устало укорил Пудовочкин. – Уж признайтесь, Александр Романыч, усыпить вздумали? А как же, это фасон

вполне позволяет: бескровно обезвредить вооружённого врага, хе-хе-хе... Али не благородно? А что человека, разбудив, на мелкие куски живьём рвать станут – тут вы вроде и ни при чём. Такая уж вы публика – благор-родная! Да только ваши хитрости перед нами – завсегда наружу. Как ни фасоньте, а мы для вас – ездоки.

– Ездоки? – полное лицо Зверьянского передёрнула судорога. – Ездоки?! – бешено рявкнул, мотнул головой.

Пудовочкин невольно повторил его движение: резко повернул голову к окну в мысли, что доктор там что-то увидел. Тот с размаху всадил шприц в его кадык. Упал всей тяжестью на левую руку раненого, державшую «манлихер», вцепился в неё. Пистолет, прижатый грудью доктора к полу, выстрелил. Пуля прошла по касательной к груди: загорелась шерсть на овчинном жилете.

Богатырь запрокинул голову, судорожно взмахнул правой рукой: она обрушилась на спину Зверьянского. Второй удар пришёлся по затылку. Ярулкин изо всей мочи вскричал: – Спасайте! – вскочил с лавки, схватил ручищу гиганта. Поваленный на пол, тот подкидывался громадным телом, всаженный в горло шприц двигался вверх-вниз. Баба высунулась в окошко, крича:

– Караул!

Ножищи раненого ударили в пол: домишко сотрясся. Пудовочкин рывком сел, отбросив доктора и Ярулкина, выдернул из горла шприц, вздрагивая поднялся на колени. Из раскрытого рта вылетал громкий фырчащий хрип, будто лили воду в жир, бурлящий в жаровне. Зверьянский обхватил гиганта сзади за плечи. Тот рванул торсом из стороны в сторону, вытащил доктора из-за спины, подмял, ударил лбом об пол и отшвырнул к стене.

Он стоял на четвереньках, точно рухнувший от удара кувалдой бык. Огромная грудь страшно и часто раздувалась, плечи, ручищи так и ходили крупной дрожью. Голова моталась и тряслась, лицо искажали гримасы, кровь брызгала во все стороны – а взгляд был осмысленный. Он вытягивал шею и вдруг завалился набок как подсечённый. Тут же взлетел на ноги, распрямился во весь громадный рост: темя упёрлось в закопчённую потолочную балку.

Дверь распахнулась – подбежавших встретили бешено-неистовые, жаждущие убивать глаза. Василий Уваровский выстрелил из винтовки в упор. Захлопали револьверы.

34.

Три дня Кузнецк тревожно ждал ответа Москвы на своё заявление о происшедшем. Заявление было оформлено председателем совдепа Юсиным, как он выразился, «в спокойном нужном свете».

Наутро четвёртого дня Юсин пригласил Усольщикова, Бутуйсова, Кумоваева-старшего и зачитал полученную телеграмму. Она гласила, что ВЦИК и Совнарком благодарят революционных граждан Кузнецка за уничтожение разложившегося отряда Пудовочкина, который, занимаясь грабежами и убийствами, наносил вред Советской власти. Гражданам Кузнецка надлежит соблюдать революционный порядок, не допускать никаких самовольных действий, всё оружие сдать под надзор Совета рабочих, крестьянских и солдатских депутатов и местной большевицкой организации.

Город повеселел. «Кары не будет!» – решил народ. «Нас благодарят! – повторялось тут и там. – Прислали благодарность...» Григорий Архипович Кумоваев сказал, что большевиками руководят «несомненно, образованные люди», а бухгалтер Билетов объявил, что он «стал почти сочувствующим партии большевиков».

Люди праздновали победу. В каких-то полчаса они истребили более четырёхсот бандитов! Отомстили за такие дичайшие зверства... Незнакомые мужчины, встречаясь на улице, крепко пожимали друг другу руку, обнимались.

Говорили, что двум-трём негодьям всё-таки удалось ускользнуть из города. Некоторые уверяли – четверым. Кто-то называл даже цифру «пять». Но какое это имело значение? Убитые были засыпаны землёй в братской могиле позади кладбища.

Горожане потеряли шестнадцать человек. Ещё пятеро тяжело ранены. Некоторые из них вскоре умрут, поручик Кумоваев на всю жизнь останется хромым. А как горько, что погибли капитан Толубинов, начальник станции Бесперстов. На их могилах прозвучали десятки речей. Было решено всем погибшим кузнецанам заказать памятник. Для их семей собирались пожертвования. Прославлялись имена живых: Усольщикова, Бутуйсова и, уж конечно, доктора Зверьянского.

Как вдруг повеяло щекотливо-дразняще: а с доктором-то нелады...

Кто-то слышал от горничной Анфисы, что «бандитского комиссара барин в дому прятал». Бухгалтер Билетов послал к Анфисе свою горничную с заданием вызнать подробности. Возвратившись, та передала рассказ Анфисы.

«В шесть утра, перед набатом, я, как велено, несла постояльцу чай. А тут барин меня остановили и всыпали в чай порошок. В половине седьмого стучу к постояльцу – прибрать в комнате, а он, слышу, храпит. Отворила дверь: спит на ка-напэ мёртвым сном.

И как у нас в дому убивали красных – не пробудился. После уж барин его разбудили и отвели в каморку на чердаке, а он жалился: голова раскалывается, хоть застрелись! День просидел в каморке запертый. С вечера барин куда-то услали Демидыча, ночью сами оседлали двоих лошадей: уехали с постояльцем. Чуть свет барин воротились, вторую лошадь вели в поводу. И никто про то не знает, только я да барыня...»

Билетов тут же отправился к Кумоваеву.

Сын Билетова гимназист Вячка узнал о рассказе Анфисы немного позже. Побежал с интересным известием по приятелям. На квартире у Пети Осокина застал Юрия Зверянского. Тот мрачно выслушал Вячку, схватил его за горло, хрипло рыча, что заколет «как борова, за грязь и ложь».

Петя Осокин, показав упорство, с трудом, но разнял сцепившихся молодых людей. Они решили драться на дуэли. Револьверы имелись у обоих. Собралось с десяток друзей, были выбраны секунданты. Пора отправляться в лес. Но кто-то предложил: а не спросить ли сперва самого доктора о предмете спора? А заодно и у Анфисы узнать, говорила ли она то, что рассказывает Вячка?

Они пошли к дому Зверянских и увидели входящую в ворота группу граждан. Билетов, Кумоваев-старший, Усольщиков и Бутуйсов явились задать доктору те же вопросы.

Зверянский вышел навстречу гостям в прихожую. На лбу выступает залепленная пластырем шишка. Лицо в ссадинах, на правой скуле – синяк. На шее – компресс.

Усольщиков страдальчески сморщился, спросил сокрушённо:

– Ай-яй-яй, кто ж вас самого пользует? У нас другого-то хорошего лекаря нет.

Доктор развёл руками: – Обхожусь! – Пригласил гостей в кабинет (молодёжь, за исключением Юрия, осталась во дворе).

Начал Григорий Архипович Кумоваев:

– Вы должны нас извинить, Александр Романович... вероятнее всего, это только слух...

– Пустая сплетня! – вставил Билетов.

– Что именно? – с холодной твёрдостью спросил доктор, стоя перед сидящими гостями.

– Видите ли, дорогой Александр Романович, – мялся Кумоваев, – вполне возможно, что всё это дело...

– Попросту высосано из пальца, – закончил за него Билетов, поудобнее усаживаясь в кресле и зорко вглядываясь в Зверянского.

– Вам бы лучше и самому присесть, – попросил доктора Усольщиков.

– Нет, я нервничаю! – отказался тот.

– Мы принуждены, – Кумоваев нахмурился, – задать вам щекотливый вопрос...

– Впрочем, это пустяки, – бросил Билетов.

– Так спрашивайте! – вскричал доктор в нетерпении.

– Вы действительно спасли вашего постояльца-комиссара? – спросил Бутуйсов.

36.

Доктор выставил мясистый подбородок и ответил:

– Да, спас!

– Как же это... – пробормотал Кумоваев, – убийцу? Был же уговор: всех поголовно! И потом, несправедливо: рядовых не щадить, а одного из главарей вдруг выпустить...

– Более чем странно! – отпустил реплику Билетов.

– Отец! – раздался хриловатый громкий голос: на пороге кабинета стоял Юрий. – Так это правда? – гневное лицо, изуродованное шрамами, было кошмарным. – Ты спас его?! – он сжимал кулаки. – В таком случае... я, как сын, первым требую... рас-с-стрела!

– Требуй, – произнёс доктор, закипая и вместе с тем в некоем удовлетворении, словно то, что сын потребует расстрелять его, вполне им ожидалось. – Ты, считающий себя демократом, – он приближался к Юрию и тоже сжал кулаки, – ты, грезивший Герценом, хочешь расстрелять отца за его приверженность народно-социалистическим идеям! Так что же ты, несчастный, понесёшь людям?! – Зверьянский отшатнулся с аффектированным ужасом.

Все молчали. Александр Романович, обращаясь к сыну, констатировал намеренно сухим тоном:

– Вышло так, что у нас р-разные убеждения! Что ж, мы должны идти до конца...

У Юрия вдруг вырвался всхлип, он протянул руки к отцу, отдёргнул... и как бы в испуге повернулся к гостям:

– Не смей допрашивать доктора Зверьянского! Во-о-он!!!

– Щенок! – взревел доктор, тяжёлый кулак опустил меж лопаток Юрия: тот едва удержался на ногах. – Извинись перед господами и проваливай!

Усольщиков застонал и зачем-то зажал уши:

– Ой, не надо бы так...

Кумоваев вскочил с места:

– Вы не в себе, Александр Романович... вы, кажется, ударили-с...

– Я убью его! – вскричав, Зверьянский тут же как-то померк, беспомощно вопрошая: – Как он ведёт себя?!

Юрий нервно отвесил общий поклон:

– Очень прошу простить, господа! – чётко прошагал к двери, выходя, обернулся: – Свободу России! – Щёлкнул каблуками, дверь за ним закрылась.

У Усольщикова текли слёзы, он воскликнул:

- Ай, как оба мне нравитесь! Ну, расцеловал бы обоих. На таких страна стоит!
- Я понимаю ваше недоумение, господа, – смущённо заговорил доктор, – самоуправно укрыл, спас... но мне показалось необходимым сделать так, чтобы этот человек жил...
- То есть он не большевицких убеждений и оказался в этом стане вынужденно?
- предположил Бутуйсов.

Зверянский согласился:

- Убеждений он не большевицких. Но, однако же, весьма сомнительных.
- Вы ему чем-то обязаны? – спросил Кумоваев.
- Определённо ничем! Разве тем, что он едва не прострелил мне череп. Чтобы не слышать криков семьи, отложил на завтра: собирался прикончить меня в лесу. А завтра – набат.
- Никак не пойму вас, Александр Романович, – с оттенком оскорблённости сказал Кумоваев, – какого ж рожна вы его не...
- Да что тут понимать! – воскликнул Усольщиков. – Благороднейшее сердце у доктора! Свеликодушничал, сжалился. Ну, правду я говорю?
- Понимаете, – сказал Зверянский со странной приподнятостью, – это человек из творений Эсхила или Софокла. Его личность потрясает...
- Поразительно! – вставил Билетов, и было непонятно: что поразительно? То, что личность комиссара потрясает или то, что доктор несёт чепуху.

Бутуйсов обратился ко всем:

- Господа, этот комиссар в зверствах не участвовал?
- Нет, что вы! – категорично заверил Зверянский. – Он всегда был у меня на глазах.
- Никаких приказов о казнях не подписывал?
- Не подписывал!

– Ну, тогда, господа, – заключил Бутуйсов, – нет ничего преступного в том, что Александр Романович его отпустил.

– Наше российское благодущие, – заметил Билетов вскользь, с осуждающе-ехидной ноткой.

Усольщиков будто не услышал её:

– Верно! По-нашему, по-русски: заслужил – получи сполна в отместку! Но только пока я в гневе. А гнев миновал: за стол с собой тебя посажу! Кстати, господа, теперь же пожалуйте все ко мне. Я телушку годовалую зарезал, и коньячок сохранился шустовский...

От приглашения никто не отказался.

37.

Прошла неделя, начинался путано-сложный май восемнадцатого...

В городе стало известно, что председателя совдепа Михаила Юсина вызывают в Пензу. Но его увидели садящимся с семьёй в поезд, который шёл в противоположном направлении: на Самару.

День спустя в Кузнецке появилось человек пятнадцать приезжих. Чуть не половина из них женщины. Приезжие вели себя тихо. Они разместились в особняке зерноторговца Щёголева, приколотили к дверям вывеску: «Чрезвычайная Комиссия по борьбе с контрреволюцией».

Утром у крыльца заурчал автомобиль. Из особняка вышел человек в тёмной тройке, с бородкой, в пенсне; сел в автомобиль, кивнул шоферу. Машина покачала, поднимая пыль, и скоро остановилась у дома Зверьянских. Человек в пенсне вошёл в дом, пробыл там полчаса и вернулся в ЧК.

На следующий день из города уехали с семьями Зверьянский, Усольщиков, Бутуйсов, Кумоваевы и ещё немало тех, кто наиболее отличился в расправе с отрядом Пудовочкина.

После этого на афишных тумбах было расклеено объявление: «Кузнецкой ЧК начато следствие по делу Пудовочкина. В ЧК приглашаются все граждане, имеющие что сообщить по указанному делу».

Минуло несколько дней, и город всколыхнуло: расстреливают за уничтожение отряда! У афишных тумб собрались огромные толпы. «Извещение ЧК» уведо-

ляло, что шесть человек расстреляны «за злостные клеветнические измышления, за попытки направить следствие по ложному пути, за действия, носящие характер контрреволюции». Возглавляла список Ораушкина, та самая, что предупредила Пудовочкина о восстании. Когда захватили дом, откуда вырвался командир, Ораушкину не арестовали, было не до неё, а потом она исчезла из города и вернулась лишь с появлением ЧК.

Вторым в списке шёл известный сутенёр, грязная личность Витька Самокатчик. Третьим был бездельник, бывший лакей Евсеев, повыгнанный из нескольких домов за воровство. Под статью этим оказались и остальные расстрелянные.

Никто не мог сказать, что хоть один человек из списка участвовал в истреблении отряда красных. Скорее можно было предположить обратное: эти люди ничего не имели бы против расправы с замешанными в восстании.

Город недоумевал. Расстреливали явно не за уничтожение отряда.

38.

К пятнадцати приезжим присоединилось ещё столько же. И на афишных тумбах появилось «Сообщение контролёров Центрального управления чрезвычайных комиссий». В нём говорилось: «За развал работы Кузнецкой ЧК, за саботаж и преступное бездействие начальник ЧК Костарев В.Г. снят со своего поста и расстрелян».

А на следующий день произошло историческое выступление чехословаков против большевиков. Советская власть была свергнута в Пензе, в Сызрани, во многих других местах... Чекисты ненадолго покинули Кузнецк. В эти неопределённые для города дни, тоже совсем ненадолго, домой вернулась семья Зверьянских.

Доктор и Юрий стояли у тумбы, смотрели на сообщение о расстреле Костарева.

– Невозможно, – волнуясь, говорил доктор, – невозможно выразить, до чего много он отдал за нас!

– Жизнь отдал, – уточнил Юрий.

– Да не то! Его идеи значили для него гораздо больше, чем собственная жизнь. Только чувствуя это, можно понять грандиозность его жертвы. Но кто

теперь почувствует, поймёт?.. Да! – доктор махнул рукой. – Легко мне было считать его идеи бредом. Но в них, несомненно, было нечто... А коли вдуматься, то и вообще!

– Что? – удивлённо взглянул Юрий.

– А то, что это вообще могло быть... – доктор сбился. – Как трогательно, как естественно у него звучало: «Русские есть явление, во Вселенной не ограниченное!», «Россия – архивитальное образование!», «Русский народ – это Гомер с глазами и мечом Геракла!» Ну как не задуматься, а стоим ли мы того, что было отдано за нас?

– Папа, что ты говоришь? – Юрий едва не кричал.

– Да-да, вот такими, – с печальным благоговением сказал доктор, – именно такими глазами я смотрел на него.

Посетите [Библиотеку Велесовой Слободы](#), где вы можете скачать все публикации с 2003 года, а также [Архив](#) сайта!

Русский Интеллектуально-Познавательный Ресурс
«ВЕЛЕСОВА СЛОБОДА»

Если вы хотите автоматически получать информацию о всех обновлениях на сайте, подпишитесь на рассылку --> [Новости сайта Велесова Слобода](#).